

К. Граф

МИСТЕР
НЕВЫНОСИМОСТЬ

18+

К. Граф
Мистер Невыносимость
Серия «Любовь не
без преград», книга 1

*<https://litres.ru/58172658>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Иногда самый раздражающий человек в твоей жизни тот, кто способен разрушить её до основания.

Лина терпеть не может Лоурена. Он - давний друг семьи. Безупречный, надменный и, похоже, влюблён в её сестру. Как бы она его не избегала, приходится столкнуться со своей неприятностью номер один лицом к лицу. Но прошлое Лоурена хранит тайны, способные перевернуть привычный мир Лины с ног на голову. Пути назад уже нет. Ей остаётся лишь принять свою судьбу. Или попытаться изменить её.

Первая книга серии "Любовь не без преград". На ЛитРес номер два и три в списке серии - бонусы к первой книге. Номер четыре - ответвление сюжета (полноценная книга). Номер пять - бонус к ответвлению сюжета. Номер шесть и семь - непосредственное продолжение "Мистера Невыносимость".

Содержание

Глава	4
ВНИМАНИЕ!	5
ПРИМЕЧАНИЕ	6
ПРОЛОГ	7
1	8
2	15
3	19
4	37
5	43
6	59
7	77
8	91
9	99
Конец ознакомительного фрагмента.	109

К. Граф

Мистер Невыносимость

Глава

Я посвящаю эту книгу человеку, которого уже нет с нами.

Володя, я надеюсь, ты видишь меня с небес и гордишься тем, что я не сдалась и смогла осуществить свою мечту. Я всегда буду помнить тебя, и, несмотря ни на что, ты останешься в моём сердце как самый лучший старший брат.

ВНИМАНИЕ!

Настоящий текст романа адаптирован в соответствии с требованиями платформы. Полную, несокращённую версию (если хочется погорячее) с полным спектром эмоций можно прочитать или скачать в Telegram-канале – ссылка находится в закрепе группы ВКонтакте – **Автор К. Граф/ Любовные романы 18+**: https://vk.com/xen_graf или пишите мне в личные сообщения группы **ВКонтакте**.

Помимо бонусов у этой книги есть **вторая и третья часть**, которые вы тоже можете найти **на ЛитРес**.

Спасибо, что выбрали мою историю! Буду рада видеть вас и в оригинальном мире героев! Подписывайтесь!

ПРИМЕЧАНИЕ

Книга содержит сцены психологического давления и сложных моральных выборов.

Все персонажи и события являются вымышленными, любые совпадения с реальными людьми – случайны.

Данный текст отражает авторское художественное видение и не является пропагандой каких-либо взглядов или установок.

Действие романа разворачивается в Германии, поэтому я использовала свойственные этой стране обращения на «вы», употребляющиеся перед фамилией, – господин и госпожа. Фамилии героев немецкие, поэтому могут звучать немного непривычно.

ПРОЛОГ

Я так люблю тебя, что ненавижу...

Как же жизнь несправедлива и жестока! Мой мир сошёлся клином на ужасном человеке, и самое смешное, что без него всё вокруг потеряло смысл... Каждый новый день сер и мрачен, каждый вздох приносит боль, и в этом круговороте я забываю, кто я есть на самом деле. Ведь лишь рядом с ним я могла быть самой собой... Как меня угораздило влюбиться в самого что ни на есть неподходящего человека в мире, я до сих пор не понимаю. Ведь всё было обречено на провал с самого начала. И вот я бегу: бегу от него, от прошлого, от чувств и самой себя.

Но два года назад всё было иначе...

1

Я не отличаюсь оригинальностью, поэтому начну с банального короткого рассказа о моей скромной персоне.

Меня зовут Лина Краус. Мне восемнадцать. Мои родители погибли в автокатастрофе, когда мне было десять. Обо мне заботилась старшая сестра Карина, которой на тот момент был двадцать один год. Ей пришлось несладко. Она бросила учёбу, чтобы заботиться обо мне. Карина работала на двух работах и содержала нас полностью.

Сестра всегда была для меня воплощением совершенства, а когда наших родителей не стало, она вознеслась для меня на уровень божества. Мы жили друг для друга, ведь у нас больше не осталось родных. Я старалась никогда ей не перечить, во всём слушаться и не разочаровывать. Я была обязана ей всем, что у меня есть, и чётко это осознавала, хотя порой жить с этим пониманием непросто. Меня постоянно преследует мысль, что я разрушительный фактор в её судьбе, потому что я сижу на её шее. Хоть она не упрекала меня ни в чём подобном и никогда не жаловалась на свою участь, но отделаться от чувства вины у меня не всегда получается. Даже когда я подросла и стала способна помогать ей финансово, Карина запрещала мне искать подработку и настаивала на том, чтобы я полностью концентрировалась на учёбе. Её мечта, чтобы я успешно окончила гимназию, поступила в

хороший институт и построила блестящее будущее.

Я правда старалась оправдать её ожидания, но учёба мне всегда давалась с трудом, в отличие от неё. Карина должна была стать той, кто сделает большую карьеру. Ведь я всегда была посредственностью во всех отношениях – не отличалась ни талантами, ни внешностью. Одним словом, бездарная замухрышка. Но разочаровывать сестру я просто не имею права. И чтобы хорошо сдать выпускные экзамены, мне пришлось пойти на страшную жертву.

Даже сделка с самим сатаной казалась мне мелочью по сравнению с тем, на что уговорила пойти меня Карина. Мне предстоит посещать дополнительные занятия у репетитора, и не просто репетитора. Им станет человек, которого я много лет подряд ненавижу хуже чумы, – **Лоурен Гроссмайер!**

От одного его имени меня передёргивает от отвращения, а уж когда я представляю себя с ним в одном помещении несколько часов подряд и что мне придётся дышать с ним одним воздухом, мне делается совсем дурно.

Он был другом моего отца и владеет самым известным продюсерским и рекламным агентством в Германии. Мой папа работал его помощником. Хотя отец и был прилично старше его, но это не мешало им находить общий язык.

Господин Гроссмайер очень быстро влился в нашу семью, часто приходил в гости, и они с отцом решали дела, засиживаясь иногда до утра. Папин начальник хмурый и неприветливый человек с ужасным характером. Он часто раздражает-

ся и говорит всё, что ему в голову взбредёт. Мама каким-то образом умудрялась закрывать на это глаза, даже когда он открыто позволял себе критиковать её саму и всё, что ему не нравилось в нашем доме, как будто он свой. Он вечно недоволен всем и всеми вокруг. Недоделанный перфекционист!

Однажды в первом классе я подарила господину Гроссмайеру открытку на день рождения, которую сделала сама. Не то чтобы мне хотелось, но пришлось, потому что в нашей семье была традиция на важные праздники дарить подарки, сделанные собственными руками. Мама говорила, что это очень важно, ведь мы вкладываем в такие вещи душу, проявляя настоящую заботу и внимание о человеке.

Поскольку день рождения господина Гроссмайера почему-то было решено отмечать у нас дома, нужно было что-то подарить. Краснея от неловкости, так как я всегда боялась его устрашающе грозного вида, я вручила ему открытку с маленькими вырезанными из цветной бумаги цветочками, наклеенными на оборот. Он лишь небрежно оглядел моё творение и, прочитав мои поздравления, нацарапанные с ошибками кривым детским почерком, заявил, что со мной срочно нужно больше заниматься, иначе я вырасту неграмотной душой. Сказав это, он вернул мне открытку назад. Мне тогда было всего шесть лет! В тот момент я не смогла подавить свой детский гнев. Стоя прямо перед ним, я разорвала открытку на мелкие кусочки и швырнула ему в лицо на глазах у моих шокированных родителей и сестры.

Но ненавидела я его не только из-за этого происшествия. Моя неприязнь имеет куда более глубокие корни, хоть тогда, будучи ребёнком, я не осознавала до конца, почему испытывала столь сильное отвращение к этому человеку.

Господин Гроссмайер был воплощением зла для меня. Мне казалось, он разрушает нашу семью, поэтому я бунтовала как могла, прикладывая максимум усилий для того, чтобы извести его. Но это было не так-то просто. Чаще всего мои труды не приносили положительного результата. Ребёнку выстоять против такого монстра было просто невозможно. При любом удобном случае он унижал меня. Когда я находилась в комнате, он всегда говорил обо мне в третьем лице, как будто меня нет, вечно критикуя мой неопрятный вид и спущенные колготки. Страшно сердясь, я надувала губы и убегала к себе в комнату, прежде чем предательские слёзы от нанесённой обиды начинали катиться по моим щекам. Я была слишком гордой, чтобы позволить врагу заметить, что он одержал надо мной верх. Но, хотя господин Гроссмайер и страшный брюзга, для него всё же существует человек, рядом с которым он преображается, – это Карина. Стоит ей оказаться поблизости, он делается улыбчивым и приветливым, вежливым и обходительным. Его заносчивость и надменность испаряются, и он превращается в прекрасного принца. Эта его способность менять лица всегда бесила меня в нём больше всего. За маской лицемерия Карина никогда не замечала, насколько этот человек испорчен. В итоге я

раз за разом остаюсь со своим негодованием и возмущением в одиночестве.

Когда умерли наши родители, господин Гроссмайер, несомненно, очень помог нам, но я так и не смогла смириться с тем, что он активно принимает участие в нашей с сестрой судьбе. Он часто навещает Карину и помогает нам деньгами. Подробностей я не знаю и знать не хочу. Мне невыносима мысль, что мы зависим от него, поэтому я избегаю разговоров о нём и его самого тоже.

Всякий раз, как он наведывается к нам домой, я сбегаю, и моя неумолимость с годами не уменьшилась. Робкие попытки Карины заступаться за господина Гроссмайера никогда не срабатывали, хоть ситуация явно не на моей стороне.

К счастью, когда Карине исполнилось двадцать восемь лет, у нее наконец-то появился мужчина. Я вздохнула с облегчением, предположив, что их общение с господином Гроссмайером сойдёт на нет.

Петер, парень Карины, мне с первых минут пришёлся по душе, и я думала, что вот пришло оно, долгожданное счастье, когда все будут довольны. Но как-то раз, возвращаясь из гимназии и открыв дверь в квартиру, я увидела господина Гроссмайера, прижимающего Карину к стене. Моя сестра сконфузилась от неловкости, начала что-то лепетать и оправдываться, а он даже и не подумал отстраниться ради приличия. Он смерил меня презрительным ледяным взглядом, словно насекомое, и процедил раздражённо:

– Выметайся, ты некстати!

Не описать словами, как я тогда вскипела. Не знаю, как сдержалась, чтобы не наорать на этого мерзавца.

Снова я стала беспомощным наблюдателем того, как он разрушает нашу семейную идиллию. Если бы это увидел Петер, то между ним и сестрой всё было бы кончено. Но в тот момент я решила, что не допущу этого. Я уже не ребёнок и могу постоять за себя, за сестру и помешать его коварным планам.

Спустя пару недель после этого случая Карина заявила мне, что господин Гроссмайер станет моим репетитором. Это решение не подлежало обсуждению. Мне хотелось провалиться под землю. Но как я могу перечить моей любимой сестре, которая заботилась обо мне все эти годы после смерти родителей и стольким пожертвовала ради меня?! Настала и моя очередь идти на жертвы. Единственным утешением в этой ситуации служило то, что у меня появилась возможность изучить врага лучше и узнать его слабые места на случай, если между нами разразится война.

Плату за моё обучение господин Гроссмайер, конечно же, не попросил. Наверное, это и послужило основным фактором в пользу того, чтобы приставить его ко мне как учителя, а у Карины не было возможности заниматься со мной. Она и так разрывалась между работой, мной и отношениями с Петером.

Так вот и пришёл мой первый день в аду дополнитель-

ных занятий у мистера Невыносимость. Этот день перевернул всю мою жизнь.

2

Стоя у входа в элитный дом в самом центре Берлина, я уже чуяла неприятности. Хотя куда там! Я десять раз позвонила в дверь, и мне просто не открыли. В подъезд меня в итоге впустил один из соседей господина Гроссмайера, смерив подозрительным взглядом. Надо думать! В эту шикарную атмосферу никак не вписывалась простая абитуриентка в потёртых кроссовках, тоненькой чёрной поношенной курточке, с волосами, небрежно собранными карандашом на затылке. С каким выражением лица я стояла у подъезда на холоде минут двадцать, дожидаясь, пока «его величество» соизволит впустить меня в свои хоромы, нетрудно догадаться. В том, что он дома, я была уверена. Я знаю его как облупленного. Работает господин Гроссмайер часто на дому и не выходит оттуда по целым дням, разве только ради того, чтобы наведаться в офис, к нам ну или на другую важную встречу. В тот день он знал, что я приду. Карина пять раз накануне напомнила ему об этом. Он просто не хотел открывать, или ему было лень.

Наконец, попав в подъезд и на нужный этаж, я возликовала! Дверь в его квартиру оказалась не заперта. Одной проблемой меньше.

Я не колеблясь зашла, вернее, залетела, как фурия, во весь

голос заявляя о своём явлении Христа народу. Пожалуй, на несколько секунд меня сразили размеры его двухэтажного лофта¹, обставленного в минималистском стиле. Но Матерь Божья! Какой там был бардак! Повсюду валялись книги, куча бумаг и газеты. На журнальном столике были раскиданы пустые упаковки от сладостей, а на полу гора приконченных бутылок виски.

«Вот алкаш!» – подумала я, глядя, как он валяется на диване без движения, зарывшись лицом в какие-то документы. Он даже не поднялся, когда я влетела в квартиру.

С грохотом я бросила сумку в угол. Меня всю затрясло от возмущения. И этот человек должен стать моим учителем и готовить меня к экзаменам! Эта затея была обречена на провал с самого начала!

Я, недолго раздумывая, подскочила к нему, пытаюсь расстрясти.

– Что за дела, мистер?! Вставайте уже, ваша ученица пришла, а вы пьяны в хлам! – зашипела я гневно.

– Какая же ты шумная девчонка... – послышался измученный хриплый голос из-под бумаг. – Сгинь!

– Ещё чего! И не подумаю!

– Тогда пеняй на себя, сама напросилась!

Бумаги соскользнули с его лица, обнажая злобную, устра-

¹ Лофт – особый стиль интерьера, характеризующийся высокими потолками, необработанными кирпичными стенами в сочетании с современной обстановкой и техникой.

шающую гримасу. В его ярко-зелёных глазах блеснули уничижающие искры, превращая мою самоуверенность в прах. Синяки под глазами, очевидно от бессонных ночей и выпивки, и серый цвет кожи делали его ещё более ужасным.

От неожиданности я взвизгнула и в следующий момент уже лежала под ним. Я попыталась высвободиться, но он мёртвой хваткой вцепился в мои запястья и прижал к дивану.

– Что за нахальство врваться так бесцеремонно в чужую квартиру и орать, как на базаре, да ещё клеветать на меня, что я пьян?! – тон его голоса был холодным и угрожающим. Он был так близко, что волоски у меня на шее невольно встали дыбом. Я испугалась и начала вырываться изо всех сил, возмущаясь и требуя, чтобы он меня отпустил, но не тут-то было. – Твоя сестра совсем не научила тебя манерам! Запомни, когда я устал и сплю, то это очень плохая идея – будить меня вот так!

Струхнув, я невольно уступила его напору.

– Простите, я так больше не буду! Но вы сами виноваты, не открывали дверь! Я почти полчаса простояла на холоде! – взвыла я, зажмуривая глаза.

– Но вот незадача, – подытожил он, – ты уже совершила ошибку, за которую придётся платить.

– Хватит! – закричала я в отчаянии. – Вы просто мерзкий тип! Ухлёстываете вечно за моей сестрой, когда у неё есть парень, и надо мной теперь измываетесь! Как вам не стыдно!

Ух, какой смелой я могу быть, оказывается! Выдала ему всё, что накопилось в моей душе. И мой голос даже ни разу не надломился.

После этой пламенной речи он наконец-то отпустил меня, но неприятный осадок от стычки остался. Господин Гроссмайер всегда показывает своё превосходство тем, кого презирает.

– Ты раздражаешь! – заявил он гордо. – Ты ничего не знаешь обо мне, глупая девчонка! Ты слишком мала, чтобы понять меня, поэтому не смей больше говорить обо мне в неуважительном тоне! Знай своё место! Как придёшь в себя, поднимайся в библиотеку. Второй этаж, первая дверь справа. Начнём уроки. Если ты не сдашь экзамены, Карина мне не простит, – с этими словами он оставил меня одну, а я, больше не сдерживаясь, заплакала навзрыд.

Как можно быть таким бесчувственным чурбаном и почему он меня так невзлюбил?! Он знал, что у меня не останется другого выбора, кроме как проглотить угрозу. О таком я не смогу рассказать никому, тем более Карине. Она никогда бы не поверила, что господин Гроссмайер способен так разговаривать. Но я, Лина, всегда видела его чёрную душу, и он знает это, поэтому не стесняясь демонстрирует мне свой характер во всей красе.

3

Мне понадобился почти час, чтобы хоть как-то взять себя в руки и предстать перед господином Гроссмайером. Конечно, было бы проще сбежать, но это означало бы сдаться и признать поражение, такому не бывать! Я себе этого не прощу!

Когда я зашла в его библиотеку, он выглядел совсем по-другому. Судя по всему, он успел принять душ. На нём была чистая глаженная рубашка, и влажные волосы блестели от света дневной лампы под потолком. Господин Гроссмайер расхаживал по комнате большими шагами с книгой в одной руке и чашкой кофе в другой.

Я прокралась в библиотеку настолько тихо, что он не сразу заметил моё появление. Робко покосившись на него, я нервно соображала, как мне теперь себя вести. Смотреть ему в глаза у меня точно не получится.

«Значит, остаётся тарашиться в пол», – подумала я, злясь на саму себя за трусость. Но иных вариантов в голову мне не пришло.

Господин Гроссмайер на пятнадцать лет меня старше. Зрелый мужчина, в то время как я ещё молоденькая девушка. Мне едва исполнилось восемнадцать. Можно было понять, почему он смотрит на меня свысока. А вот я частень-

ко перегибала палку, разговаривая с ним заносчивым тоном. Но от этой привычки невозможно избавиться. Он меня бесит, и я не могу с этим ничего поделать.

Наверное, для других женщин он кажется привлекательным. Помимо того, что он богат, он ещё обладает достаточно броской внешностью. Он очень высокий, по крайней мере, мне, метр с кепкой в прыжке, так всегда казалось. У него смуглая кожа, прямые чёрные как смоль волосы, слегка прикрывающие затылок, и тёмно-зелёные глаза хищного зверя, которые на всех смотрят холодно и со снисхождением. Кроме Карины. Она для него особенная, но чем – за все эти годы я так и не узнала. С сестрой мы об этом разговор никогда не заводили. В этот момент мне вдруг подумалось, что она вполне может испытывать к нему что-то романтическое. Меня аж передёрнуло на секунду от отвращения.

Какая ирония судьбы! Я всю жизнь ненавидела и избегала его, и вот теперь вынуждена подавлять свою неприязнь, общаясь с ним с глазу на глаз, и выносить его гадкий характер.

Наконец, заметив моё появление, он бросил в мою сторону короткий презрительный взгляд и приказал сесть за письменный стол. Сам встал позади, чем освободил от необходимости глядеть ему в лицо. И всё равно ощущение, что он дышит мне в затылок, напрягало. Тем не менее это было лучше, чем если бы он таранился мне в лоб. То ли он пожалел мою психику, то ли ему самому было противно смотреть на меня напрямую. Скорее, второе. Поверить в то, что он мог сжа-

литься надо мной или проявить доброту, было всё равно что найти твёрдые доказательства существования инопланетной цивилизации.

– Зачем ты хочешь поступать в университет? – начал он сухо.

«Что за дурацкий вопрос?!» – подумала я и бросила на него злобный взгляд через плечо.

– Разве это не очевидно, я хочу получить достойное образование и хорошую работу.

– Да неужели! – съязвил он тут же. – Так твой ограниченный ум уже способен строить планы на будущее?

– Я не дура! – рявкнула я, раздражаясь.

– Говорит мне сейчас та, которая пришла ко мне за дополнительными занятиями!

И снова я вскипела, соскакивая со стула и хватая сумку, чтобы уйти. Нет, это решительно слишком большая жертва, даже ради сестры и моего будущего! Я уже достаточно натерпелась от этого мужлана! Больше нет сил и минуты выносить его колкости и унижения! Я ещё не потеряла остатки чувства собственного достоинства, поэтому не могу позволить раздавить себя вконец! Но господин Гроссмайер не дал мне уйти. Схватив за плечо, он силой усадил меня обратно.

– Пока ты не научишься контролировать свой необузданный гнев, толку от наших занятий не будет никакого, ты это понимаешь?!

– Может, хватит этого снисходительного тона, возможно,

тогда я буду более сговорчивой!

– Ничего не могу поделать со своим характером. Просто смирись с тем, что твоя ограниченная личность меня раздражает. В любом случае нам придётся научиться как-то ладить ради Карины.

Как мне хотелось его ударить, и чем-нибудь очень тяжёлым, но я стерпела и смолчала, кивнув головой и стиснув зубы.

Он был прав. Нам обоим важна Карина, а значит, мы должны приложить максимум усилий, чтобы не поубивать друг друга за время, что будем проводить вместе.

– Хорошо, – процедила я сквозь плотно сжатые губы, – я постараюсь не взрываться.

– Тогда я постараюсь быть помягче, хоть с такой шумной девицей, как ты, это очень непросто.

– Прекратите провоцировать меня на грубость, и всё будет хорошо! Может быть, уже перейдём к делу? – предложила я сердито. По крайней мере, распаляясь, я забывала о недавно пережитом стыде.

Я небрежно вывалила содержимое сумки на стол. Так вот и начался наш первый урок.

Надо отметить, что, когда он перешёл к объяснениям непонятного мне материала, всё пошло довольно неплохо. Оказалось, он умеет терпеливо растолковывать одно и то же по нескольку раз, при этом находя разный подход к одной и той же задаче, если до меня не доходил смысл. Но, к сожалению,

нию, хотя бы раз за занятие он обязательно напоминал мне о том, какая я бестолковая и тупая. Недели через две я с трудом смирилась со своим жалким положением раба науки и научилась пропускать его едкие комментарии в сторону моих умственных способностей мимо ушей.

Конечно, я тугодум и у меня нет способностей к учёбе, как у сестры, но я этот недостаток компенсировала своим прилежанием и упорством. Я даже ночами стала сидеть за уроками, когда приблизилось время промежуточных экзаменов. Ради того, чтобы порадовать сестру, я была готова на всё! Она моя лучшая мотивация!

Так прошло три месяца, и в итоге я успешно закончила полугодие. Самое сложное ещё ожидало меня впереди, но и табель с хорошими и отличными оценками был для меня огромным достижением.

На рождественские каникулы я могла наконец-то позволить себе хоть немного расслабиться. Правда, приложенные титанические усилия конкретно сказались на моём внешнем виде. Я и так была не красавица, но как-то утром, стоя перед зеркалом в ванной, я поняла, что выгляжу страшнее, чем Баба-яга. И это в свои восемнадцать! Моя худоба превратила меня в ходячий скелет. Щёки впали, а кожа, и без того бледная, стала почти прозрачной. Девушку во мне выдавало, пожалуй, лишь то, что у меня длинные каштановые волосы. И те поблекли и посеклись.

Оглядев себя с ног до головы, я издала долгий печальный

вдох. Ужасно, и тем не менее мой явный успех в учёбе перевешивал всё. Собственно, мне всегда было плевать на внешность, хотя мои сверстницы экстремально заботились о ней. Наверное, поэтому у всех были парни, а у меня нет. А мне они и не были нужны, у меня просто нет ни времени, ни желания на пустую романтику.

За три месяца поменялись не только мои оценки и внешний вид, но и мои отношения с господином Гроссмайером. Мы кое-как научились общаться, почти как нормальные люди. Хотя избавиться от сарказма и издёвок в мою сторону у него так и не получилось. Но я тоже была молодец и по-прежнему выводила его из себя своей, как он выражался, шумной, бездарной и ограниченной личностью. Тем не менее это не мешало ему пользоваться моей добротой без угрызений совести.

Как-то раз я прибрала его квартиру в качестве благодарности за оказываемую им помощь с уроками, и с тех пор я почему-то регулярно убираю его «аэродром», а ещё готовлю для него и стираю его вещи. Сама не знаю, почему это продолжается и дальше. Может, в глубине души я немного сочувствую ему. Отчасти я мягкосердечная дура, раз жалею дьявола во плоти. Но поделаться с этим неожиданным чувством в сторону моего злейшего врага ничего не могу.

Усталый и хмурый вид господина Гроссмайера следствие не только его отвратительного характера и того, что он любит выпить, но и массы работы и ответственности, что сыплются

на него, словно град с неба, как на владельца крупных фирм. Но, несмотря на всё это, он находит время давать мне уроки.

Телефон в его доме без перерыва трезвонит, так что господин Гроссмайер выдёргивает его из розетки, когда я прихожу заниматься. Сотовый он также прячет подальше, чтобы не мешал.

Господин Гроссмайер очень строгий и требовательный учитель. При всём этом он с лёгкостью выявляет пробелы в моих знаниях и восполняет их. Я стала намного терпеливее к нему относиться, потому что не хотела добавлять ему забот, когда его жизнь и без меня не сахар.

Может, это странно прозвучит, но у меня к нему выработалось некое чувство солидарности. Я тоже много работаю, чтобы добиться хороших оценок, и могу себе представить, как нужно выкладываться ему, чтобы его фирмы приносили солидные доходы. Желание досаждать ему незаметно ушло само собой и в один прекрасный момент заменилось стремлением завоевать его признание.

Я очень торопилась показать ему свои оценки за полугодие, но, когда поймала себя на этой мысли, страшно разлилась на свою дурость. Похвалившись врагу своими успехами, которыми я, по большей части, обязана ему, я преподнесу ему свою слабость на блюдецке с серебряной каёмочкой. В итоге я специально тянула с этим, и, лишь когда он однажды зашёл к нам в гости и сам поинтересовался моими оценками, я с надменным видом помахала своим табелем у него

перед носом, на что он ответил, что мне не стоит слишком задирать нос. Абитур²¹ я ещё не написала, поэтому впереди работы непочатый край, а я по-прежнему не перестаю быть бестолковой мелкой бездарностью, и мне, скорее всего, всю жизнь придётся из кожи вон лезть, чтобы быть успешной. И тем не менее, глядя в мой аттестат, он улыбнулся.

Впервые за всё время я увидела его чистосердечную улыбку, причиной которой была я, а моё сердце ёкнуло при его виде, и это мне не понравилось.

Так прошло Рождество. На следующий день сестра спланировала меня господину Гроссмайеру на оставшуюся неделю каникул до самого Нового года. Они с Петером спланировали романтическое путешествие. Карина не хотела оставлять меня одну дома без присмотра. Такая глупость! Я уже совершеннолетняя и прекрасно могу о себе позаботиться. Это, скорее, господин Гроссмайер тот, кому нужна нянька. Не знаю, как он до моего появления с голоду не умер или не утонул в горе мусора.

Как-то раз я у него спросила, почему он до сих пор не нанял домработницу, ведь финансы ему это явно позволяют,

¹ Выпускной экзамен в Германии, который пишется по окончании гимназии. Выглядит наподобие ЕГЭ. После успешной сдачи, не проходя вступительные экзамены, можно учиться в институте или университете. Институт и университет в Германии разные понятия. Институты дают образование в технических направлениях. Университеты специализируются в основном на научной деятельности, а также выпускают адвокатов, врачей, учителей и переводчиков. Институты делают больший акцент на практику, университеты на теорию.

на что он мне ответил, что не любит, когда кто-то посторонний копается в его вещах. На меня это не распространилось. Похоже, став его ученицей, я получила ранг выше одноклеточного организма, которому дозволено убирать за ним мусор. Меня такой рост в его глазах, как можно догадаться, мало радовал.

В любом случае мне велели пожить у него, пока Карина с Петером не вернутся обратно домой. С одной стороны, это было даже неплохо. По крайней мере, мне не нужно таскаться на другой конец города, чтобы помочь ему с делами по дому, но, с другой стороны, мне хотелось выть волком. То, что господин Гроссмайер не даст мне позависать с моей лучшей подругой Аннетой и устроить пьяную вечеринку, где я буду слушать её рассказы о том, какие мужики козлы (которые я, кстати, безумно обожаю, так как это сразу отбивает у меня иногда просыпающуюся потребность в романтике), – я была уверена. Снисхождения и понимания ждать от него не приходится. Ко всему прочему, он большую часть времени пребывает в отвратительном настроении, и тогда к нему лучше не лезть с абсурдными просьбами – вроде просьбы пригласить к себе подругу или самой пойти к ней в гости.

Кстати, он выдал мне ключ от своих хором, и я могу входить в его квартиру без предупреждения. Как-то так вышло, сама не знаю как. Он просто в один прекрасный день всунул мне его в руку, когда я в очередной раз орала, что простояла под дверью полчаса, пока он наконец откроет. Но, к счастью,

руки господин Гроссмайер больше не распускал, даже когда я не сдерживалась и начинала громко возмущаться. Тот эпизод нашей первой встречи у него дома я тщательно запихнула в самый отдалённый угол моей памяти, как будто этого никогда не было. А что мне оставалось?! Я не знала, как ещё справиться с унижением и при этом нормально с ним общаться, ведь он мой репетитор и мы видимся как минимум три раза в неделю.

В день моего переезда на улице повалил снег. Даже в декабре у нас в Берлине такие сильные снегопады случаются крайне редко. Я еле добралась до места с опозданием в два часа. Было дикое желание вернуться обратно домой и насладиться свободой, отмазавшись тем, что общественный транспорт в такую погоду не ходит. Правда, учитывая характер мистера Невыносимость, у меня потом могут возникнуть большие проблемы. Он терпеть не может, когда что-то выбивается из его намеченного плана. А значит, я должна в лепёшку разбиться, чтобы всё было так, как он того хочет. На работе наверняка все его считают тираном. Не думаю, что он только ко мне придирчив и требователен.

Господин Гроссмайер вёл деловую беседу по телефону, когда я, стряхивая с себя снег, зашла в квартиру. Он тут же прервал звонок.

– Тебя где носило? – пробубнил он недовольно.

– Выгляни в окно, снега намело по колено, транспорт ходит с опозданиями, везде пробки, да ещё и праздник, чего

ты ожидал? – просто ответила я, кидая дорожную сумку с вещами у входа, снимая куртку и ботинки и проходя в открытую кухню, чтобы заварить чай.

– Карина с Петером добрались до места? – спросил он, нахмурившись.

– Ага, она звонила, сказала, что всё хорошо.

Я забросила конфетку в рот и, налив кипятка в заварочный чайник, рухнула в кресло напротив дивана, вытаскивая какую-то рукопись у себя из-под попы, подбирая под себя ноги и устраиваясь поудобней. Ради любопытства я пролистала несколько страниц. Это оказались наброски какой-то статейки.

– Что это за бред? – спросила я, пережёвывая ириску. Господин Гроссмайер недовольно выхватил бумаги у меня из рук.

– Не лезь в мою работу, лучше иди займись своими делами.

– Какими? У меня каникулы, ты забыл? Неплохо было бы организовать что-нибудь интересное, иначе я со скуки помру.

Ах да, совсем не упомянула о том, что через некоторое время мы перешли на «ты». То есть я его стала называть на «ты». Он-то никогда не устаивал меня чести вежливого обращения к моей персоне.

Наверное, если бы мне раньше сказали, что я буду так запросто с ним общаться, да ещё поселюсь на неделю у него

в доме, я рассмеялась бы тому человеку в лицо. А теперь это происходило, как будто так и должно быть. Наверное, я просто смирилась с существованием в этом мире мистера Невыносимость. Таким образом, господин Гроссмайер превратился в Лоурена.

– У меня нет времени развлекать тебя, – фыркнул он раздражённо.

– Да брось ты! Рождество же! Расслабься хоть на день! Я же не прошу тебя всё время проводить со мной!

Он бросил на меня какой-то странный взгляд, который я не смогла истолковать.

– И какие у тебя есть идеи, несносная девчонка?

– Мы можем, к примеру, сходить в кино. Сейчас как раз идёт куча интересных фильмов, – предложила я, игнорируя его язвительный тон.

Он многозначительно поднял бровь.

– Ты хочешь пойти со мной в кино? – уточнил он с усмешкой, подчёркивая каждое слово.

Он был прав. Я ляпнула странность. Нужно ретироваться.

– Не то чтобы я хочу, просто ты тут сгинешь, если я тебя не вытащу на воздух. Рассматривай это как одолжение.

– Вот спасибо. Обойдусь.

Он выглядел как будто разочарованным моим ответом. А может, мне просто показалось.

– Ты уже ужинал? Если нет, может, мне заказать еду из ресторана? Если я сейчас начну готовить, придётся долго

ждать, – я увела тему в сторону. Мне не хотелось ему признаться, что я на самом деле не прочь выйти с ним куда-нибудь, даже если мы друг друга терпеть не можем. Но выслушивать его ехидства по этому поводу мне больше не хотелось.

– Позже, сейчас нет времени, – ответил он коротко, снова схватив трубку звонящего телефона и удаляясь для работы в свой кабинет.

Конец счастливым рождественским каникулам. «Да здравствует скука!» – заключила я со вздохом.

Поднявшись с кресла, я понуро побрела на кухню готовить ужин и, пока готовила, болтала с Аннетой по телефону. С трудом верилось, что Лоурен выползет в ближайшие часы из своего кабинета, а значит, тратить деньги на заказную еду не имеет смысла. Его кабинет как бермудский треугольник. Если он туда попадает, то может торчать там несколько дней подряд безвылазно. Бывает, он даже не разрешает туда заходить, и мне приходится оставлять еду под дверью.

И в этот раз я не ошиблась в своих предположениях. Пробыло девять вечера, еда была готова, ей пропахла вся квартира, но он так и не вышел.

Постучав в дверь кабинета, я напредила, что ужин готов, но он никак не отреагировал, и я поела одна. Странное это чувство – есть в одиночестве. Я к этому не привыкла. Мы с сестрой дома всегда кушаем вместе – завтракаем и ужинаем. Даже в школе я ем не одна, а в столовой с Аннетой.

За окном стемнело, и снег повалил ещё сильнее. Было жутко тихо. Этот элитный дом напоминал гробницу. Никаких звуков даже с улицы. Окна были герметичные, и открывать их не было надобности, так как помещение было климатизировано. Меня обуяло страшное желание слинять отсюда. Эти стены на меня давили.

Я схватила куртку, наскоро нацепила её на себя, не застёгивая, и помчалась на улицу. Надо глотнуть свежего воздуха. А ведь я ещё свою комнату не обжила, но мне пока не хотелось туда заходить. Всё в этом доме одинаково холодное. В этой баснословно дорогущей квартире отсутствует жизнь. Зачем Лоурену нужно так много места одному и как он может выносить столько свободного пространства?! Раньше я никогда не задумывалась об этом. Мне было всё равно. Дома меня ждал уютный, тёплый очаг и любимая сестра. А вот теперь, далеко от родного гнёздышка, всё обстоит иначе, и я тоскую по привычным вещам, хотя и дня ещё не прошло.

Я вышла в огромный двор, засыпанный снегом. Он падал крупными хлопьями на землю, и голые ветки деревьев покорно прогибались под его весом. Нетронутый снег скрипел под ногами и блестел в бледно-жёлтом свете фонарей. Небо было тёмным и тяжёлым, словно налитое свинцом.

Я обернулась вокруг себя. И тут жуткая тишина. В нашем дворе детишки уже наверняка налепили снеговиков и искали весь снег на санках. Но тут сто процентов нет детей. Это была бы катастрофа для такого места. Богатеи ценят своё

личное пространство и покой. Уже при взгляде на Лоурена очевидность этого факта налицо. Он терпеть не может шум и суматоху вокруг, именно поэтому он не может терпеть меня.

Я тяжело вздохнула. В этот мир я никак не вписываюсь. За много лет ничего не изменилось.

Когда мама с папой были живы, мы тоже жили в большом достатке. Конечно, мы не были так богаты, как Лоурен, но я всё равно не любила даже тот узкий мирок, что отделял нас от остальных людей просто потому, что у нас было много денег. И, как назло, я оказалась в месте, роскошь которого я презираю, пусть всего на одну неделю.

– Что ты тут делаешь? – послышался строгий голос за моей спиной. – Марш домой, ты заболеешь!

Я обернулась. В нескольких шагах от меня стоял Лоурен с кирпичной миной, дорогое пальто нараспашку. Снежинки таяли на его идеально гладких блестящих волосах и на смуглой коже.

Почему-то меня взбесил его безупречный, изысканный вид гордого, неприступного джентльмена в этой простой зимней идиллии. Его облик резал глаза. Нужно выпустить пар!

Я слепила из снега комок и швырнула в него, не задумываясь. Снежок попал ему прямо в грудь, а он и бровью не повёл, но я могла видеть, как из-за его гранитного фасада начинает выглядывать дьявол. Он не на шутку разозлился из-за моей выходки. Другой бы и не догадался, но я это с точ-

ностью могу сказать. Я знаю все нюансы его гнева.

Это меня ещё больше подогрело. Я точно сумасшедшая, хотя жить мне ещё не надоело!

Я слепила ещё один снежок и снова запустила в него. На этот раз попала в плечо. Мускул в углу его правого глаза нервно задёргался. И тут я не сдержалась, заливаясь громким смехом, и больше не могла остановиться. Ну почему он такой смешной с этим неподвижным лицом, на котором сейчас написано, что он готов убить меня?

Войдя в раж, я слепила ещё один комок и запустила в него, продолжая дико хохотать. На этот раз он увернулся, и как только я уловила, что он сорвался с места, дала от него дёру. Тут я почувствовала удар и холод на спине. Неужели?! Это невозможно! Лоурен запустил в меня снежком! Когда я обернулась в его сторону, он уже лепил другой. Что за чёрт?! Мистер Невыносимость может дурачиться?! Лишь на секунду я позволила себе удивиться.

Поскольку намечалась битва, я начала быстро сгребать снег вокруг себя, чтобы не проиграть. Целая батарея снежков полетела в меня без перерыва. Избежать попадания было невозможно. Я превратилась в снеговика меньше чем за полминуты.

Нельзя было не отметить, что Лоурен оказался метким стрелком. Я швыряла свои снежки почти вслепую, не различая, попадают они в цель или нет, визжа от восторга. Мне правда в тот момент было дико весело, как когда-то в дет-

стве с сестрой. Она всегда играла со мной в снежки, когда выпадало много снега.

Мне было жарко. Я вся вспотела. Намокшие распущенные пряди прилипали к лицу. Захлёбываясь от смеха, уже почти без сил, я запустила последний снежок, и в этот момент крепкие мужские руки перехватили меня и прижали к себе.

– Хватит! Тихо уже, все соседи сбегутся! Какая же ты шумная, ужас просто!

Лоурен тоже быстро дышал. Его грудь под одеждой казалась такой горячей, пусть даже его рука, что покоилась у меня на голове, по-прежнему оставалась ледяной.

Я никак не могла усмирить своё возбуждённое игрой скачущее сердце. Нужно было высвободиться из его объятий, но не было сил.

В полумраке я не видела его лица, но почему-то мне казалось, что он улыбается, хотя настоящая, открытая улыбка была редкой гостьей у него на лице.

– Я устала, – выдохнула я.

– Хоть бы куртку застегнула, несносная девица! Сколько же проблем с тобой!

Тут он подхватил меня под мышку, словно нашкодившего ребёнка, и потащил к входной двери. Я завизжала, чтобы он меня отпустил, но он даже не подумал.

– Угомонись! – рявкнул он и, лишь когда мы зашли в лифт, поставил меня на ноги.

– Весело же было, – буркнула я себе под нос, косясь на него исподлобья, пытаюсь оценить, как сильно он зол по шкале от одного до десяти, чтобы прикинуть, насколько жестокая меня ждёт кара за такую выходку. Но как я ни старалась, не уловила в нём враждебности.

Когда двери лифта открылись и мы вышли в коридор, он вдруг сказал:

– Если хочешь, сходим завтра в кино. Там фильм идёт, который должен тебе понравиться. Какая-то фантастика. В самый раз для твоего недалёкого ума.

Это было более чем ошеломляющее заявление. Только без последней фразы можно было бы и обойтись, но без этого Лоурен Гроссмайер был бы уже не Лоурен Гроссмайер – мистер Невыносимость. Я подняла на него изумлённый взгляд:

– Ты серьёзно?

– Ещё раз спросишь, я передумаю.

Так вот следующим вечером мы и пошли в кино.

Хотела бы я сказать, что не испытывала неловкости. Сама же вроде сначала напросилась. Дома сидеть было скучно, но теперь, плетясь рядом с ним, я уже пожалела, что предложила эту нелепую затею.

Мы шли молча. Я не знала, с чего начать беседу. Да и о чём вообще может поговорить восемнадцатилетняя девушка со своим репетитором и злейшим врагом, который на пятнадцать лет её старше? Может, стоило использовать возможность и узнать о нём побольше, но это же не свидание, в конце концов, чтобы разговаривать о личных вещах... ведь не свидание... не свидание...

От этих мыслей я пришла в смятение. Если отмести все условности в сторону, то, пожалуй, эта вылазка очень даже смахивает на свиданку.

– Пойдём, – неожиданно Лоурен схватил меня за локоть и затащил в какой-то дико дорогуший магазин.

– Чего? – удивилась я.

– Тебя нужно нормально одеть и обуть. Не могу смотреть на это!.. – он брезгливо окинул меня взглядом с ног до головы.

– Но я не хочу! – возмутилась я.

Мне на фиг не сдались новые вещи! Я обожаю свои джин-

сы, майки и просторные свитера, а особенно свою коротенькую курточку, которая мне уже четыре года подряд служит верой и правдой в любую погоду, и другая мне не нужна. Ну, может, она, конечно, не особо модная, поношенная и застиранная, зато удобная.

– Не интересуется, – отрезал он и мотнул меня в сторону продавщицы так, что я чуть на неё не упала.

– Пожалуйста, оденьте её по-человечески. Я всё оплачу.

Открыв рот, я попыталась было дальше протестовать – но, когда он кинул на меня ещё один из своих фирменных испепеляющих взглядов, я чётко поняла, что если не сдамся, то со мной случится что-то ужасное, и замолчала. Пережить снова повторение того позора, что он нанёс мне в первый день появления у него дома, мне, мягко говоря, не хотелось. Я боялась его в гневе. Возможно, он больше не стал бы надо мной издеваться таким мерзким способом, но пока существовала даже маленькая вероятность этого, я была готова избегать её любой ценой.

Пришлось признать, что этот человек сумел прогнуть меня под себя. Какая же я жалкая! Мои плечи опустились.

Продавщица тут же засуетилась вокруг меня, прикладывая ко мне и то и это. Мне было наплевать, что на меня нацепят, впрочем, как и Лоурену – главное, чтобы я не выглядела рядом с ним как бомж и не посрамила его хваленый имидж показушника.

Конечно, он в своём супермегадорогом фирменном паль-

то, брендовых джинсах и обтягивающей чёрной водолазке выглядел просто улётно. Неформальный вид ему шёл ещё больше, чем деловой. Не то чтобы я считала его привлекательным, просто сделала такое умозаключение по реакции посторонних людей. На него постоянно оглядывались, где бы мы ни находились. Но я же не лезу со своим уставом к нему в монастырь и молчу про то, что меня бесит его роскошный вид, в то время как он навязывает мне свои взгляды и вкусы.

В итоге я вышла из магазина с ног до головы в фирменных шмотках. И этот безжалостный подлюга даже не позволил мне забрать мою старую курточку с собой. Моё настроение упало ниже фарватера. Хотелось плакать, так я любила свои привычные вещи.

«Хорошо смеётся тот, кто смеётся последним», – подумала я, косясь на его довольную мину.

В новой одежде я стала ходить на самодельную фарфоровую куклу из антикварного магазина. И всё благодаря моему сногшибательному росту в метр шестьдесят. На мне было белое тёплое кашемировое пальто с воротником из натурального меха, чёрные полуботиночки, тёплые белые рукавицы, а ещё шапка, потому что мистер Невыносимость настоял и на этом. Я никогда не носила шапок до этого момента. А всё это приключилось потому, что моя сестра проболталась ему, что у меня слабое здоровье. Да чёрта с два! Ну и, конечно, под верхней одеждой скрывались миленькая голубая шёлковая кофточка и чёрные брючки. Чудом я отвер-

телась от того, чтобы на меня напялили платье или юбку.

Теперь я смотрелась рядом с Лоуреном не так дико. Тем не менее, когда мы пришли в кинотеатр, на нас все пялились. Почему мне раньше в голову не пришла мысль, насколько странно мы смотримся вместе? Что про нас вообще думают? Вряд ли кто-то мог предположить, что мы парочка, и не только из-за разницы в возрасте. Я невзрачная замухрышка, а он высокий, атлетично сложенный мужчина, и видно, что при деньгах. Все девицы окидывали его вождедеющим взглядом, чуть ли не пуская при этом слюни, таинственно перешёптываясь, пока мы покупали билеты и попкорн на кассе.

Ну в самом деле, может, он и хорош, но не настолько же! Чего я не замечаю, что видят другие девушки? Но узнать об этом было не у кого.

– Что не так? – спросил Лоурен, заметив мой хмурый вид.

– На нас все таращатся!

– Игнорируй, – просто сказал он и потащил меня не слишком нежно в кинозал.

К счастью, фильм был настолько увлекательным, что я позабыла обо всех неприятностях, полностью погрузившись в сюжет. В конце, когда мы вышли, мне уже было плевать на всех. Я тараторила без умолку, комментируя самые впечатляющие отрывки из фильма, даже не замечая, что Лоурен всё это время просто молча шёл рядом со мной.

Когда мы проходили мимо церкви, то услышали хор и звуки органа, которые заманили нас внутрь. Я впитывала в себя

предновогоднюю атмосферу полной грудью, улыбаясь, как дурочка. С чего-то у меня вдруг стало так хорошо на душе, и присутствие Лоурена перестало тяготить. А потом мы поели в ресторане, и вредный Лоурен пытался отнять у меня моё мороженое, потому что якобы зимой мороженое никто не ест. Так сказал он. Но тут я смогла постоять за себя и специально умяла не одну порцию, а целых две как доказательство абсурдности его убеждений.

Домой мы пришли, когда уже было далеко за полночь. Я чувствовала слабость, но и моральное удовлетворение от проведённого дня.

В прихожей, снимая верхние вещи, я сказала ему «спасибо» и что было очень весело. Не удержавшись, я добавила, что ещё припомню ему то, что он избавился от моей любимой куртки. Подняв указательный палец вверх, я развернулась и хотела уже идти к себе в комнату, но тут Лоурен вдруг схватил мою руку и развернул к себе. Моё сердце подпрыгнуло в груди, как кенгуру, когда я встретила с его непроницаемым зелёным взглядом. Я никогда не могла в нём ничего прочесть. Он выражал ноль эмоций. Холодок пробежал у меня по спине от того, как пристально Лоурен на меня смотрел.

– Что-то не так? – робко спросила я, на самом деле боясь его ответа. Он заставлял меня нервничать, когда был такой.

Чем дольше я смотрела ему в глаза, тем больше мне становилось не по себе. Я растерялась. Но он, заметив моё смятение, тут же отпустил мою руку.

– Ничего. Иди спать.

Вот и всё. Лоурен поднялся по лестнице и исчез за дверью своей комнаты. А я почему-то вздохнула с облегчением.

Из тяжёлого, беспокойного сна меня вырвала чья-то рука, которая трясла меня за плечо. Я с трудом продрала глаза. Голова была чугунная, а тело как вата. Холодные зелёные глаза смотрели на меня серьёзно.

– Какого?!... – я еле сдержалась, чтобы не чертыхнуться. – Что ты делаешь в моей комнате? – поправилась я и попыталась подняться, но мои виски тут же пронзила жуткая боль, и я со стоном рухнула назад в кровать.

– Уже полдень, а ты всё в постели.

– Я сейчас встану, – новая попытка подняться провалилась. Да что такое со мной происходит?!

Обеспокоенное лицо Лоурена привело меня в ещё большее замешательство. Его холодная рука легла на мой лоб – в этот раз она показалась обжигающе ледяной.

– Да ты горячая, как утюг! У тебя жар! – установил он с неподдельным ужасом в голосе. Я впервые видела растерянность в его лице. Он не знал, что делать. Не думала, что такая банальность, как моя болезнь, может застать столь непоколебимую личность врасплох.

– Ничего страшного, – пробубнила я, отодвигая его тяжёлую руку, хотя её прохлада сейчас была очень приятной, – я ещё чуть-чуть полежу, и всё пройдёт.

– Я позвоню Карине, – он соскочил с края моей кровати и рванул к двери.

– Не смей! – заявила я угрожающе. – Я не позволю тебе из-за такой мелочи испортить ей романтическое путешествие!

– Вздумала приказы отдавать?! – он грозно сдвинул брови, но я не поддавалась на его запугивания.

– Именно. Если ты ей позвонишь, я скажу, что это ты виноват, что я заболела!

Он стиснул зубы, и его лицо побагровело. Это было жестоко, но только так я могла его остановить.

– Всё это результат твоего хождения по морозу полураздетой, дурацкой игры в снежки и поедания ведра мороженого, дурная девчонка!

– Ага, именно так, – согласилась я с ним. А что? Он был прав.

С тяжёлым вздохом Лоурен потёр лоб.

– От тебя одни неприятности! Я вызову врача.

Вечно он ворчит и жалуется на меня, как сварливый старикашка, хотя я, с какой-то стороны, могла его понять. При его занятости обрести дополнительную проблему в виде оккупировавшей его квартиру надоедливой абитуриентки, что вечно нарушает покой – он ещё, можно сказать, снисходителен к ситуации.

Лоурен покинул мою комнату, а я отрубилась. Дальше воспоминания были отрывистыми. Чьи-то голоса, потом стало очень холодно, затем снова тепло, и это тепло было похо-

же на воздушное облако, такое нежное, ласковое и успокаивающее, что хотелось наслаждаться им вечно! Потом чей-то далёкий голос настойчиво убеждал меня в чём-то. Я почувствовала холодную жидкость во рту и снова впала в глубокий сон.

Проснулась я, когда за окном уже было темно. На улице снова шёл снег. Я оглянулась. В коридоре горел свет и сквозь тонкую щель просачивался в мою комнату. В принесённом кресле у моей кровати дремал Лоурен, положив подбородок в ладонь. Волосы падали ему на лицо, губы были слегка приоткрыты. На лбу у него виднелись еле заметные мимические морщинки между бровями, оттого что он часто хмурился. Верхние пуговицы на смятой рубашке были расстёгнуты, обнажая его длинную шею и часть груди. Длинные ноги в помятых плотных светло-серых брюках были скрещены. Он, скорее всего, давно не переодевался, раз выглядел растрёпанным. Но ему это шло. А ещё сейчас он был расслаблен и выглядел совсем иначе. Когда он спал, то казался намного моложе и не таким суровым.

В этот момент мне неожиданно пришло в голову, что он красивый, даже очень! От одной этой мысли я покраснела. Что это со мной?! Неужели помутнение рассудка из-за болезни?!

Я заерзала, и он тут же открыл свои кристально-изумрудного цвета глаза. Этот цвет был нечеловеческим. Точно дьявол!

– Проснулась? Как себя чувствуешь? – спросил он.

В теле ещё была непонятная слабость, но в целом всё неплохо. Жар, судя по всему, спал.

– Нормально, – ответила я, отводя от него взгляд. Мне казалось, что если он сейчас посмотрит мне в глаза, то сможет прочитать мои недавние мысли.

Я откинула одеяло и ужаснулась. На мне была другая пижама, не та, в которой я ложилась спать вчера.

– Ты что, меня переодевал? – взвизгнула я.

– Ну а что мне ещё оставалось? Ты вся вспотела, даже постель была мокрой. Нужно было поменять. Не волнуйся, у тебя смотреть особо не на что, кожа и кости.

– А кто виноват?! – рявкнула я, раздражаясь. И чего это я?! Вместо того чтобы дальше переживать, что он видел меня голой, я вдруг взбесилась из-за его небрежного замечания по поводу моей внешности. – Ты меня загонял в последние два месяца, одна учёба да уборка в твоей дурацкой необъятной квартире! Я похудела почти на пять килограмм!

– Да ты и до этого была доска, – его губы скривились в самодовольной усмешке.

Я думала, у меня пар из ушей повалит от возмущения. Я бы его послала, но настолько вскипела, что даже слова застряли в горле. Вместо этого я вскочила с кровати, намереваясь пойти в ванную. Моим планом было громко хлопнуть дверью, чтобы показать своё негодование и прогнать его с моей территории. Сейчас меня мало заботило, что он, судя

по всему, все эти часы, пока меня лихорадило, провёл рядом и ухаживал за мной. Но, когда я слишком резко поднялась на ноги, моя голова закружилась, и я рухнула прямо на Лоурена, сидевшего в кресле. Он еле успел меня подхватить. Его руки аккуратно обвили мою талию, чтобы я не скатилась на пол. Почему-то от их прикосновения меня вдруг бросило в жар.

– Ну точно бестолковая, – пробормотал он в своей привычной манере, но в этот раз его голос был другим, мягким и заботливым.

Нет, это не тот Лоурен Гроссмайер, к которому я привыкла и которого знаю!

Моё лицо, кажется, зарделось, как коммунистический флаг на демонстрации, и я судорожно начала вскарабкиваться на ноги, хватаясь за его плечи, чтобы обрести равновесие. Они были такие широкие и крепкие! Да в конце концов! Что за мысли лезут в мою больную башку!

– Аккуратней, – заметил он, отпуская меня. Теперь, наконец, я могла осуществить свой план – от стыда больше не глядя на него, я промаршировала мимо и громко хлопнула дверью в ванную, но за ней послышался сдавленный смешок вместо звука удаляющихся шагов.

Я снова и снова плескала себе в покрасневшее лицо холодной водой, приводя себя в чувства. И чего моё сердце так бешено колотится и я так засмушалась?! Отвратительно! В этот момент мне хотелось побить саму себя. Ощущение его

рук настойчиво лезло в мой мозг, возвращая меня в момент, который я хотела забыть.

Нет, я не желала, чтобы он меня трогал, никогда! Мне это не нравилось! Мне было противно! Тогда он меня заставил и унизил, мне не было хорошо и приятно! То, как моё тело реагировало на его касания, было всего лишь инстинктом, ничего больше! И сейчас всё не так! Не так! Эти холодные, как у мертвеца, руки – я их терпеть не могу!

Вернув себе боевой настрой, я снова вышла к Лоурену, вооружившись своим привычным колючим хладнокровием.

– Ты ещё тут? Спасибо, конечно, но дальше я сама справлюсь, – сказала я, задрав гордо подбородок.

– Хорошо, – он встал. – Еда в холодильнике. На столике вода и жаропонижающие. Доктор сказал, что это вирус. Пей побольше, отдыхай, и тебе быстро станет легче.

Лоурен вышел, закрыв за собой дверь. Но прогнозы доктора не сбылись. Через пару часов у меня снова поднялась температура, а на следующий день начался дикий кашель. Назойливый Лоурен снова вызвал врача, мне выписали сильные антибиотики, и на этот раз он позвонил Карине, но уверил её, что позаботится обо мне лучшим образом.

Угроза того, что романтическое путешествие моей сестры будет испорчено по моей вине, отпала. Наверное, я бы радовалась, если бы это не была заслуга Лоурена.

Честно признаться, я его не понимала. Почему он так поступил? Это ведь такая отличная возможность вернуть Ка-

рину в город и насолить Петеру. Я на сто процентов была уверена, что Карина нравится Лоурену, а может, и того хуже...

Когда я слушала их с Кариной разговор по телефону, аж тошно стало от его приторных, слащавых речей, как будто он само совершенство. Теперь сестра наверняка почувствует себя у него в долгу, а значит, он сможет попросить у неё что-нибудь вроде совместного ужина. Такая дурочка, как она, согласится. Потом Лоурен станет её оболыщать, и она поведётся на его обаяние волка в овечьей шкуре.

Я помотала головой, освобождаясь от кошмарных фантазий. Не дай бог, если такое однажды превратится в реальность!

Нахмурившись, я поджала ноги под себя, прячась вглубь дивана.

– Марш в постель! – скомандовал Лоурен, закончив разговор с моей сестрой и кладя трубку. Его лицо сияло, как рождественская ёлка на утреннике в детском саду, и всё это благодаря голосу Карины.

Я не отреагировала на команду. Его повелительный тон раздражал, особенно сейчас.

– Ты её правда любишь?

Он удивлённо поднял бровь, но ответил не колеблясь:

– Да. Очень.

– Почему тогда ты до сих пор не признался ей, ведь Петера она встретила всего год назад, а тебя знает больше десяти

лет?

– А с чего ты взяла, что я ей не признавался?

Этот ответ сразил меня. Даже не знаю почему, но меня это сильно задело.

– Она тебе отказала? – сорвалось у меня неожиданно с губ.

Он молча посмотрел в пол.

– А ты как думаешь?

Зачем я вообще об этом спросила? Конечно же, она ему отказала, иначе они уже были бы вместе. Но почему она так сделала? Как ни крути, а партия он завидная... неужели из-за меня?! На секунду мне стало неловко.

Хоть я до сих пор с трудом могла представить себе, что Лоурен способен на искренние чувства, но я верила в его любовь к Карине. То, что она для него особенная, я всегда замечала, просто не думала, что когда-нибудь услышу эти слова из его собственных уст.

Отчего-то мне стало больно. Неприятное, колющее ощущение в области сердца. Никогда ещё слова не ранили меня так глубоко.

– Мне жаль, – выдавила я с усилием.

– Правда? – спросил он ехидно.

Раньше мне, конечно же, не было жаль, а сейчас?.. И сейчас тоже. Я по-прежнему не хочу видеть их вместе. Но в то же время что-то изменилось. Но вот что?

– Я хочу спать, – поднявшись с дивана, я хотела пройти

мимо, но он неожиданно схватил меня одной рукой за запястье, а ладонь другой приложил к моему лбу.

Я шарахнулась назад.

– Ты что творишь?

– Температуры нет, – пояснил он, – но ты себя странно ведёшь.

– Кто бы говорил, – заявила я, освобождая руку.

Он подошёл ближе и встал совсем рядом, схватив меня за подбородок. Его холодные пальцы обожгли кожу. Я замерла, как кролик перед удавом.

– Что с тобой, крошка? – спросил он, глядя мне прямо в глаза.

Мой ступор мутировал в лёгкую панику. Последний раз, когда я слышала это прозвище, всё было... ужасно.

– Не называй меня так!

– Почему?

Да что за издёвка в голосе?! В этот раз я ничем такого обращения не заслужила!

– П-п... просто не надо... – промямлила я, запинаясь.

– Ясно, – он отпустил мой подбородок, уголок его губ дрогнул с едва заметной усмешкой, а я помчалась сломя голову в свою комнату.

– Я тебе почитаю! – крикнул он мне вслед.

– Чего? – я недоуменно обернулась, несмотря на то, что моё лицо всё ещё пылало от смущения.

– Я скоро приду и почитаю тебе на ночь что-нибудь. Кари-

на сказала, ты любишь аудиокниги. Я хорошо читаю вслух.

– Не надо! – выпалила я, но через двадцать минут он уже сидел у меня в комнате с увесистым томиком сказок.

– Ты шутишь! Я тебе что, маленький ребёнок?!

– Конечно. К тому же сейчас твоя несмышлёная головушка вряд ли сможет переварить сложную литературу, – ответил он, ни секунды не колеблясь.

Мистер Невыносимость! Как мне хотелось согреть его этой самой книгой сказок по голове! Очень хотелось, пусть совсем недавно я стояла перед ним абсолютно беспомощная и растерянная.

– Делай что хочешь, – прошипела я, натягивая одеяло до шеи, и он начал читать «Девочку со спичками» Ханса Кристиана Андерсена. Сейчас как раз был канун Нового года, и эта трагичная история особенно хватала за душу.

Голос Лоурена сразу увлёк меня за собой в другой мир, грустный и холодный, и я стала той самой девочкой, продавщицей спичек.

Сидя на лютom морозе, чтобы хоть как-то согреться, девочка жгла спички. Каждый раз, как вспыхивало новое маленькое пламя, она мечтала о прекрасных вещах. Бедная девочка была никому не нужна. Дома её ждал лишь жестокий отец. Когда смерть пришла за ней, это было освобождением. Наверное, на небе её ждала лучшая жизнь, чем та, на которую её обрекло бездушное окружение. Видя ребёнка на морозе, все безразлично проходили мимо. Люди всегда за-

крывают глаза на чужие проблемы. Человечество во все времена было отвратительно в своём эгоизме. Пожалуй, умереть для несчастной девочки действительно было лучшей участью, чем остаться жить. По крайней мере, с приходом смерти страданиям и лишениям настал конец.

Я вдруг разозлилась на судьбу. И зачем только Лоурен из всех сказок выбрал именно эту?!

Засыпая, я увидела перед собой маленького Лоурена. Он стоял напротив меня. Его детское красивое лицо было неподвижным, а изумрудные глаза светились пустотой и холодом. Меня морозило от его взгляда. Он был таким далёким и чужим, что моё сердце больно сжалось.

Сквозь сон я почувствовала его холодные длинные пальцы, которые скользнули по моей щеке. Я инстинктивно схватилась за них. Бессознательно мне хотелось его удержать, хотелось, чтобы он почувствовал моё тепло, хотелось согреть его холодную душу, доказать, что в этом мире есть место прекрасным вещам. Почему на меня нахлынули эти чувства?! В полудрёме я не могла подавить свой мимолётный порыв быть ближе к нему.

Погрузившись в противоречивость своих эмоций с головой, я наконец-то крепко уснула. Проснулась я одна. Вскоре приехала моя сестра и забрала меня домой. Новый год из-за моей болезни мы все провели дома, но даже в узком семейном кругу, вместе с Кариной и Петером, мне было очень весело.

Моя подруга Аннета сумела заскочить на огонёк на пару часов. Праздновать только с нами у неё не получилось, так как её ждал парень. Лоурен не пришёл, был сильно занят делами на работе. Оно и к лучшему. Для всех. Я наконец поняла, что он правда по-настоящему любит мою сестру и видеть её вместе с Петером для него наверняка жестокая пытка. Да и меня мучили непонятные чувства. Эта неделя, проведённая у Лоурена, ужасно сбила меня с толку.

Мне не хотелось думать о нём, потому что я сразу начинала метаться из угла в угол, как тигр в клетке. Меня терзало постоянное беспокойство. Моя неприязнь к нему пошатнулась, уступая место симпатии и привязанности. Это пугало, поэтому я не хотела его видеть, хотя ведь, собственно, ничего не поменялось. Он по-прежнему оставался неприветливым, твердолобым сухарём, вечно критикующим и высмеивающим меня, но... мне его не хватало. Даже этого его чёртова хамства не хватало!

К счастью, в следующий раз мы увиделись нескоро, и мои вышедшие из-под контроля эмоции улеглись. Лоурен улетел в командировку за границу, и дополнительные уроки выпали на много недель. В январе снова началась школа, и я ушла в учёбу с головой. Я упорно занималась каждый день, готовясь к экзаменам. Ночи сливались с днями. Наверное, мой внешний вид был ужасен, как и у Лоурена, когда он на несколько дней пропадал в своём кабинете. Но я старательно избегала зеркал, чтобы лишний раз не расстраиваться.

В конце января момент новой встречи с ним всё же неизбежно настал.

Одним прекрасным вечером я уснула от усталости прямо за письменным столом, решая задачи по геометрии. Лёгкого шороха от шагов было недостаточно, чтобы вытащить меня из учебной комы.

– И вот так до изнеможения она сидит и зубрит каждый день, – послышался жалостливый голос где-то за моей спиной. – Я начинаю переживать. Это ненормально. Конечно, я рада, что она так рвётся поступить в хороший университет, но не такими жертвами! Она так опять заболеет! Может, ты с ней поговоришь? Она тебя послушает!

«Ну вот, – пронеслось у меня в мыслях, – а ведь я хотела порадовать сестру успехами, а вместо этого заставила её волноваться».

Но я училась не только ради того, чтобы поступить в университет, а ещё чтобы забыть... выкинуть из головы его... не думать о нём... о мистере Невыносимость. Но это понимало только моё подсознание.

– Не уверен, – отозвался мужской голос, – тебе нужно было строже её воспитывать. А теперь поздно. Она выросла и стала упрямой ослицей.

Карина захихикала.

– Да прекрати ты уже ворчать! Она милая, хорошая, старательная девушка, хоть и своенравная. Пора бы тебе это признать.

Ответа не последовало, только тяжкий вздох.

Потом послышались удаляющиеся шаги, дверь заскрипела и захлопнулась, но один человек остался в моей комнате.

Шум лёгкой походки. Кто-то остановился рядом со мной. А потом тяжёлая холодная рука, такая знакомая, легла на мою голову и провела по волосам. Я так скучала по этому прикосновению весь месяц, такой долгий месяц!

– Давай-ка вставай! Пойдём в кровать, зубрила.

Я недовольно замычала оттого, что меня потревожили. Сквозь сон я ещё не до конца поняла, что Лоурен находится рядом со мной и что его тут не должно быть. Мы месяц не виделись, и вот в таком виде он застал меня вновь.

Крепкие руки подняли меня, словно пушинку,. Я почувствовала мягкое одеяло и подушку под головой и тут же с наслаждением зарылась в неё носом. Как же мне всё-таки не хватает нормального сна!

Я приоткрыла один глаз. Лоурен сидел на краю моей кровати, элегантно скрестив свои длинные ноги в отглаженных дорогих брюках, наблюдая за мной с каким-то странным умилением на лице.

– Чего уставился? – промямлила я заплетающимся языком.

Во рту страшно пересохло. Так бывает, когда я резко отключаюсь от изнеможения.

– Давно не видел, – просто ответил он и улыбнулся. Наверное, показалось. Или у меня начались галлюцинации. Нет

сейчас повода для такой слащавой улыбки.

– Сам виноват, – пробормотала я с неприкрытой обидой. Он бросил меня на месяц, а теперь появился в мою комнату как ни в чём не бывало.

– Справедливо. Ну прости. Было много работы. А ты куда поступать собралась? Так стараешься, что уже похожа на зомби из того дурацкого фильма, что мы смотрели вместе в кино.

Я лягнула его локтем в бок в качестве предупреждения, чтобы он не заходил со своими колкими шутками слишком далеко. Он, впрочем, это проигнорировал, как и всегда.

– На медицину, – ответила я гордо. Хотя это была всего лишь идея, вряд ли мне даже с нынешней успеваемостью удастся прорваться.

– Ого! – он присвистнул. – Однако! Ты уверена, что твоего ординарного ума хватит преодолеть такую планку?

– Да замолчи ты! Зачем вообще явился?! – рявкнула я оскорблённо, швыряя в него подушкой. – Лучше бы не приходил! Один сплошной демотиватор!

– Ладно-ладно! – капитулировал он, засмеявшись и совершенно неожиданно провёл тыльной частью ладони по моему лицу. Я окаменела. – Я помогу тебе, но будет трудно. Ты прилежная, но слишком медленно соображаешь. Это многое усложняет. Да и твои оценки ещё недостаточно хороши для медицинского факультета. Абитур надо написать на отлично, иначе лучше забудь эту затею.

– И без тебя знаю! – огрызнулась я.

– Всё равно не забывай, что отдых очень важен. Не заставляй сестру переживать за твоё здоровье.

И вот снова это чувство! От его слов мне стало горько. Его заботит лишь Карина. На меня ему наплевать. А собственно, чего я ждала?! Он ведь меня на дух не переносит и терпит лишь ради неё. Это я, мягкотелая дура, взяла и оттаяла без особых на то причин.

Через несколько дней после этой встречи мои занятия с Лоуреном возобновились с привычной порцией издёвок и сарказма с его стороны и неуклюжих, колючих оправданий с моей. А ещё через пару недель пришло четырнадцатое февраля – День влюблённых, после которого всё встало с ног на голову и покатилося кувырком как в моём сердце, так и в моей жизни.

6

Я ненавидела этот день больше всех в году. День сопливых признаний, подарков, сладостей и валентинок. Странная лихорадка завладевала всеми вокруг без исключения, причём задолго до наступления самого праздника. Все магазины и торговые центры превращались в массу чего-то розового и плюшевого, с кучей сердечек и амурчиков. Даже меня эта романтическая утопия из года в год не обходила стороной, хотя у меня нет парня.

Покорно я тащилась, как на каторгу, за покупками, чтобы порадовать свою подругу и сестру. Они бы обиделись, если бы я обделила их в такой памятный день своим признанием в любви. Поэтому я шла на поводу у моды, хотя мне это вовсе не нравилось.

В этот раз Аннета всунула мне шоколадку и брелок для ключей с милым медвежонком. Я состроила благодарный вид и тоже подарила ей ответный подарок – маленький блокнот с замочком в виде сердечка и самостоятельно испечённые печеньки. Она пищала от восторга, как маленькая.

Сколько бы я ни проклинала День святого Валентина, но в такие моменты на моём сердце всё-таки становилось теплей. Мне нравится дарить близким радость, и ради этого стоит иногда переступить через себя и свои убеждения.

Я долго раздумывала, нужно ли мне дарить что-то Лоурену. Сама мысль была очень странной, но, поскольку я и для Петера с Кариной приготовила небольшие подарочки, то решила и ему сделать маленький презент. Только вот он получился с потайным умыслом, и у меня уже руки чесались вручить ему сюрприз, чтобы посмотреть на его реакцию. Как раз кстати подвернулась и подходящая возможность.

Карина пригласила Лоурена вечером на ужин. Причём сообщила она мне об этом совершенно неожиданно посреди дня, когда я уже была в гимназии. Я рассчитывала, что она проведёт праздник вместе с Петером, на то он и День влюблённых, чтобы быть вместе, поэтому я немало удивилась, что мы с Лоуреном должны принять в нём участие. Какое-то странное предчувствие начало терзать меня, но я старательно его подавляла.

От посторонних размышлений весь день в школе меня успешно отвлекала Аннета. Она без умолку трещала о своём парне Пауле, периодически умываясь горестными слезами, которые я терпеливо утирала.

За утро она умудрилась поссориться и помириться со своим суженым несколько раз, и её кидало из крайности в крайность. То она была на седьмом небе от счастья, то уже в преисподней. Я как могла её утешала. Не знаю, почему она самовольно принимает участие в этом драмтеатре. На черта вообще нужны такие отношения? Одна сплошная нервотрёпка! Любовь ужасная штука, и я счастливица, что не имею

таких проблем. Но иногда я всё-таки ощущаю себя немного ущербно. У всех в классе, кроме меня, уже есть или были отношения или хотя бы флирт или интрижки. Меня везде окружают разговоры о парнях, но меня это каким-то странным образом обходит стороной.

В принципе, у нас в классе да и в параллельных группах много интересных парней, но то ли я слишком дикая, то ли слишком невзрачная, но общение с противоположным полом у меня никак не клеится. Одним словом, парни меня избегают. Подруга говорит, что я слишком резкая, замкнутая и веду себя по-детски, а ещё одеваюсь как попало и не слежу за собой. Но меня бесит, что общество судит по обложке. Такие люди мне не нужны. Критика и насмешки некоторых моих гламурных одноклассниц оставляют меня безразличной. Всё, что по-настоящему важно, это учёба. Но Анна не сдаётся и не прекращает предпринимать бесполезные попытки превратить гадкого утёнка в прекрасного лебедя. По её словам, во мне скрыт огромный потенциал очаровательной красотки. Она вечно подсовывает мне каких-нибудь приятелей своего парня. Это утомляет, и выворачиваться из этих своднических ситуаций весьма неприятное занятие. К счастью, на день у меня уже сложились планы, иначе бы она задолбала уговорами познакомиться с очередным кавалером-неудачником.

После школы я сразу же поспешила домой, чтобы начать готовить праздничный ужин. Карина после работы обещала

купить торт. Весьма кстати накануне мы закупились, и холодильник был забит до отказа.

Через несколько часов почти всё было готово. Я состряпала много вкусностей, в том числе и тех, что любит Лоурен. Уже в привычку вошло готовить по его вкусу. Незаметно он меня даже в этом выдрессировал.

Когда я начала накрывать на стол, пришли счастливые Карина с Петером. Вели они себя необычайно оживлённо: шушукались, хихикали, вздыхали. Но я это списала на особую атмосферу праздника.

Мы обменялись подарками и обнимашками, после чего они стали помогать мне со столом. Вскоре раздался звонок в дверь. От этого звука моё сердце резко подпрыгнуло, а потом в темпе вальса поскакало дальше, как ни пыталась я его усмирить.

Это был Лоурен. Я узнала его уже по звуку шагов на пороге. Потом он начал здороваться с Кариной и Петером. Я выглянула из-за дверного проёма, стараясь не привлекать к себе внимания. Видно он приехал прямо из офиса, так как одет он был в деловой костюм. Но стоило ему сбросить с себя пальто и пиджак, как весь его официальный образ испарился.

Он снял галстук, манжеты без запонок закатал до локтей и провёл пальцами сквозь влажные от дождя волосы, отчего они растрепались и несколько непослушных прядей сексуально упали ему на лоб.

Я нервно сглотнула от его неотразимого вида, заставляя себя опомниться и не тарашиться на него как идиотка. В руках он держал несколько пакетов, два букета цветов и бутылку шампанского, скорее всего коллекционного, судя по возторженному присвисту Петера.

Я наблюдала дальше из своего укрытия.

Карине он вручил маленькую коробочку. Она смущённо покраснела. Я словно обожглась и сразу отвела взгляд.

Как только Петер может терпеть вольности, что позволяет себе этот эгоцентричный кретин?! Петер точно святой. Я бы на его месте в два счёта выставила Лоурена за дверь!

Надув губы, я вернулась к делам на кухне. Может, мне стоило сегодня надеть платье? Карина такая красивая в шёлковой красной блузке и узкой юбке карандашом. Почему я снова начинаю думать всякие глупости?

Поправив свой бесформенный белый свитер с пышным воротником, я гордо подняла голову. Ни к чему рядиться, это явно не тот праздник.

Я достала уже охлаждённую бутылку вина из холодильника и бокалы из шкафа в тот момент, когда поняла, что на кухне я уже не одна.

– Привет, – просто сказал Лоурен, – чего прячешься?

– Я не прячусь, а заканчиваю приготовления к ужину, – ответила я монотонным голосом, не оборачиваясь. Я усердно натирала хрустальные фужеры полотенцем, чтобы занять руки. Чего я так психанула-то?!

Лоурен подошёл ближе.

– Может, прервёшься и уделишь мне минутку?

Я со звоном поставила бокал и обернулась, как будто делая ему одолжение. Он держал один из букетов в руках. Это были нежно-розовые розы вперемешку с ещё какими-то белыми цветами, похожими на колокольчики, названия которых я не знала. Букет был завернут в прозрачную обёртку с розовыми ленточками.

– Это тебе, моей прилежной ученице!

Неожиданная похвала Лоурена заставила меня покраснеть, а вся злость на него в одно мгновение испарилась.

– Спасибо, – промямлила я, принимая букет.

Мне никогда не дарили цветы мужчины. Подумать не могла, что такой простой подарок без умысла способен так жутко смутить. Но оказанное внимание мне было, несомненно, приятно.

– У меня есть ещё кое-что для тебя, – сказал он и взял в руки бумажный цветной пакет, который стоял рядом с ним, – держи.

Пакет был довольно увесистый. В нём было что-то прямоугольное и большое, завернутое в дорогую подарочную бумагу. Я немедленно вынула подарок из пакета и стала его аккуратно разворачивать.

– Подарочная бумага существует для того, чтобы её рвать, – заметил Лоурен, скривив губы в усмешке, пристально наблюдая, как я старательно отклеиваю кусочки скотча один за

другим.

– Если бы она не стоила как месячная плата за нашу квартиру, может быть, я её и порвала бы, – съязвила я, бросив на него взгляд исподлобья. Он улыбнулся.

Он правда улыбнулся! По-настоящему, так, что его лицо приобрело мягкие черты. Почему? Раньше мой сарказм его доставал, а теперь вдруг развеселил...

Я поспешила посвятить себя своему подарку, иначе рисковала не оторвать от него взгляда и тарашиться, словно маленькая девочка на новоподаренную куклу Барби.

Там оказалась большая книга сказок Андерсена. Та самая, что он читал мне в ночь, когда я болела. Меня бросило в жар, и голова неожиданно закружилась от непонятого ощущения в груди. Наверное, это был намёк на что-то, но я своим недалёким, как выражался Лоурен, умом не могла понять, что он хотел выразить этим. Или я себе опять что-то навображала. Но даже если так, я сама не лучше, тоже приготовила ему ловушку.

– Ого! Благодарю, – сказала я как можно безразличнее, стараясь скрыть хаос, что разразился во мне. – Это в твоём репертуаре.

Книга была безумно дорогой, судя по переплёту. Возможно, даже лимитированное издание. Такие, как Лоурен, всегда довольствуются только эксклюзивом.

– Я думал, что тебе понравится, – его изучающий взгляд прожигал меня насквозь. Может, он ждал, что я начну бить-

ся в истерике от счастья? Не дождётся! Он просто играет со мной, вот и всё. Только я в такие игры точно играть не умею.

– Мне нравится, правда. У меня тоже для тебя кое-что есть, – заявила я уверенным тоном, осторожно пряча книгу назад в пакет. Сейчас настал момент нанести ответный удар.

Я поспешила к себе в комнату и достала из письменного стола самодельную открытку. Она была точно такой же, как та, что я дарила ему, когда была маленькой. Единственное отличие состояло в надписи на ней.

Встав прямо перед Лоуреном, я протянула ему открытку. Моё сердце было готово выскочить из груди от волнения. Неужели мне не удастся его пробить? На секунду я пожалела о своей зловещей затее.

Он с неподвижным, серьёзным лицом изучил оборот, а потом произнёс медленно:

– Это навевает воспоминания. Но, надеюсь, на этот раз ты не собираешься порвать её и швырнуть мне в лицо, – он покрутил открытку в руках и добавил: – Хм, валентинка... Просто ирония судьбы. И на этот раз подписано без ошибок, хвалю! – он откашлялся в кулак, а потом неожиданно расхохотался во весь голос.

У Лоурена был красивый раскатистый глубокий смех. Я никогда прежде его не слышала. Даже смеяться у него получается восхитительно! Мне нужно было думать о том, что он меня высмеял, а вместо этого я стояла и любовалась его миной.

Меня обуял очередной приступ ярости. Моё лицо побагровело.

– Какая на фиг валентинка?! – прошипела я, переходя в натиск. – Отдай назад! Ты вообще ничего не понял! – я хотела выхватить открытку у него из рук, но он поднял её вверх, и мне до неё уже было не дотянуться.

– Ну уж нет, она моя! – он втянул несколько раз воздух через нос, успокаиваясь, а потом глянул на меня сверху вниз со снисхождением. Это было его любимым занятием не потому, что я намного ниже ростом, а потому, что он страстно любит демонстрировать своё превосходство. – И ты все эти годы злилась на меня за то, что я когда-то давно указал тебе на пару ошибок? – он уныло зевнул и покачал головой. – Ты точно глупая дурочка, особенно после того, как решила показать своё недовольство таким образом, да и ещё в такой день.

– Всё не так! – попыталась оправдаться я, но это было так. Он видел меня насквозь, что несказанно меня бесило. – Это ты виноват! Я была ребёнком! Я так старалась, а ты меня растоптал! Вот скажи, кто ты после этого?!

Неужели я действительно взялась выяснять с ним отношения из-за такого пустяка? Я почувствовала себя истеричкой с ПМС.

Вообще-то, подобная развязка в мой план не входила. Мне всего лишь хотелось дать ему материал для размышлений. Я наивно полагала, что заставлю его испытать угрызе-

ния совести, но попала впросак. Ему такое чувство, скорее всего, вообще не знакомо.

– Я не привык лицемерить и льстить, – заметил он сухо. – Я всегда говорю то, что считаю нужным сказать. Ко всему, не лги себе. Ты тогда была не такой уж и ребёнок. По крайней мере, свою неприязнь ко мне ты умела неплохо выражать, так что не нужно было напрягаться и дарить подарки тому, кто тебе противен. Утешься тем, что я ранил твои чувства без злого умысла и сейчас я рад твоему подарку.

Так выглядело раскаяние Лоурена Гроссмайера. «Полено бесчувственное!» – подумала я.

Он потрепал меня по голове в знак примирения и пошёл в гостиную, а я, раздражённо приглаживая волосы, последовала за ним. Вопрос был исчерпан. Петер и Карина дожидались нас за столом.

Моей сестре Лоурен подарил браслет, и, судя по всему, это была не дешёвая бижутерия. Карина постоянно теребила его во время беседы. Такие украшения друзьям дарить странно, скорее даже неприлично в данной ситуации. Но, похоже, все наплевали на это.

Пока компания за столом оживлённо болтала, я злобно молчала и ела, уставившись в тарелку, параллельно переваривая наш с Лоуреном разговор.

Я никак не могла понять его. Как только я начинала пытаться разобраться в его мыслях и поступках, так сразу наткнулась на стену. Он весь со всех сторон окружён стенами.

Или мне так кажется, потому что я ровным счётом ничего о нём не знаю. Наверное, лишь Карине он может довериться, а мне остаётся принять всё как есть. Но неужели Лоурен не понимает, что в его нынешнем положении у него на Карину нет никаких прав, да и вообще все эти его знаки внимания и бессовестно дорогие подарки смотрятся просто смешно!

Позже Петер достал из холодильника то самое коллекционное шампанское, что Лоурен принёс с собой, и, разлив его по бокалам, они с Кариной вдруг оба поднялись с места. Мы с Лоуреном удивлённо поглядели на них. Они перемигнулись между собой, и Карина начала говорить:

– Лина, Лоурен... – Сделав паузу для вдоха, словно набираясь смелости, она продолжила торжественным тоном: – Мы хотим сообщить вам важную новость. Петер сегодня сделал мне предложение, и весной мы собираемся пожениться!

У меня невольно открылся рот. Вроде бы такой исход событий был предсказуем, но сейчас из этого получилась настоящая сенсация. Вот к чему были все эти церемониальные приготовления и столько спонтанной суеты! Петер с Кариной хотели отметить помолвку вместе с нами. Но что себе думала моя сестра, устроив такое?! Ведь она знает о чувствах Лоурена к ней и всё равно вывалила это при всех, совсем его не жалея! Мало того, она ещё и приняла его подарок. Это не похоже на мою Карину. Обычно она в таких вещах очень деликатна.

Я сразу же покосилась на Лоурена. Наверное, это стало

для него огромным потрясением, но его непоколебимо спокойная маска ни на секунду не сползла с лица. Мне вдруг стало даже немного страшно за него. Такое поведение было явно ненормальным.

– Ну что же, мои поздравления! – Лоурен поднялся первым, пожимая руку счастливому Петеру и обнимая Карину. Столько галантности и ноль печали.

Я тоже встала, чтобы поздравить их. Невозможно было не порадоваться за счастье сестры. Я видела, что они с Петером сильно любят друг друга. Но какой-то части меня было сейчас не по себе. Я знала, что придёт момент, когда наши пути разойдутся и мы заживём каждая своей жизнью, но он настал слишком быстро, на мой вкус. Мне не хочется оставаться одной! Я к этому не готова! Когда эта мысль проскользнула у меня в голове, я тут же поставила на себе штамп эгоистки. Карина и так достаточно со мной нанячилась. Теперь я совершеннолетняя, пора уже слезть с её шеи, стать самостоятельной и дать ей пожить собственной жизнью в своё удовольствие. Что же в эту минуту происходит в душе у Лоурена?

Когда мы подняли бокалы за помолвленных, я осмелилась окинуть его долгим изучающим взглядом. Он улыбался, даже умудрился выдать впечатляющий тост, от которого наша парочка голубков умиленно прослезилась. С виду всё было как в красивом сне, но я чётко ощущала, как атмосфера в помещении нагнетается и давит на меня, словно тонны кир-

пичей. Но счастливые Петер и Карина, конечно же, ничего не замечали. Нужно срочно что-то предпринять, долго Лоурен так не продержится!

– Я тут вдруг вспомнила, – подскакивая со стула, вскрикнула я, нагоняя панику в голос. Актриса из меня была отвратительная, но я надеялась, что мой неуклюжий театр прокатит под любовную эйфорию моей сестры и Петера. – Я забыла книгу по математике у Лоурена дома! А у меня завтра тест! Мне она очень нужна, срочно! Прости, Лоурен! – я бросила в его сторону щенячий взгляд, надеясь, что он поймёт, почему я всё это делаю.

– Ну во-о-от! – простонала Карина протяжно, вмешиваясь в разговор. – Как так могло выйти? Ты такая рассеянная! Может, всё-таки обойдёшься без неё? Вечер только начался!

– Ничего страшного, – прервал её Лоурен, – я всё равно скоро собирался уходить. У меня завтра совещание рано утром. Я захвачу Лину с собой. На машине мы быстро обернёмся. Побудьте немного вдвоём. Разделите вместе эти драгоценные минуты счастья. Помолвки случаются не каждый день.

Глядя на Лоурена, я не переставала поражаться его мастерству имитировать искреннюю радость. Ни один мускул на его лице не дрогнул, когда рука Петера легла на талию моей сестры и он чмокнул её в губы. Его самообладание потрясло.

– Я только возьму сумку, – сказала я и поскакала на всех

парах в комнату, не теряя ни секунды. Через несколько минут мы с Лоуреном стояли на улице и молча вдыхали влажный ледяной воздух.

– Ты же знаешь, что мой учебник по математике не у тебя! – внесла я ясность на всякий случай.

– Садись в машину, – скомандовал он, ничего не ответив, и отворил передо мной дверь своего чёрного Порше. Я беспрекословно повиновалась. Он захлопнул дверцу с моей стороны и сел за руль.

– Куда теперь? – уточнила я.

Он был мрачнее тучи. Под его пуленепробиваемой оболочкой бушевал шквал эмоций. Меня аж морозило от его вида.

– Не знаю, – он запустил мотор, и машина с бешеной скоростью сорвалась с места.

Мы ехали, и ехали, и ехали молча. Я боялась произнести и слово, чтобы не дай бог не спровоцировать случайный взрыв чувств, пока он ведёт машину. Так мы выехали далеко за город.

Через некоторое время мы остановились на обочине тёмной дороги. Лоурен заглушил мотор, поставил машину на аварийку и выскочил наружу, как чёрт из табакерки. Я последовала за ним. Он прошёл несколько метров и резко остановился. Внезапно его гордой осанки не стало, он поник и повесил плечи. Таким разбитым Лоурена я никогда не видела. Я растерялась. Он всегда был беспощаден и несгибаем, а

теперь его словно подменили.

Глядя на его ссутуленную спину, я начала плакать, тихо всхлипывая. Тут он развернулся и оглядел меня ошарашенно.

– Ты чего рыдаешь? – Я опустила глаза, не в силах смотреть ему в лицо.

– Прости... Это было так жестоко со стороны Карины – взять и сказать всё вот так, как будто ты ей никогда не говорил о своей любви... Это ужасно, – слёзы лились у меня из глаз горячими потоками, обжигая лицо.

– Что это? Жалость ко мне? – в голосе Лоурена звучало удивление и отвращение одновременно. Наверное, он презирает меня. Такие высокомерные люди наверняка не выносят, когда их жалеют.

– Дурак! – не выдержала я, хотела отвернуться, но он уже стоял рядом.

– Посмотри на меня. – Я стала уворачиваться от его руки, которая настойчиво пыталась поймать мой подбородок, но в итоге ему это всё же удалось. Мои щёки горели, кожу щипало от всё ещё катившихся из глаз слёз. – Прекрати! – приказал он строго, глядя мне в глаза, но в противоречие словам давление его холодных пальцев было очень нежным и лёгким.

– Не могу! – взывала я отчаянно.

И тут произошло нечто из ряда вон выходящее. Странно, что вселенная в этот миг не взорвалась или небо не рухнуло прямо на наши головы, – настолько это было невероятно и

неожиданно.

Его губы настойчиво прижались к моим, не оставляя никакой возможности для протеста. Они дерзко раздвинули их, открывая его языку дорогу в мой рот. Лоурен дразнил меня нежно, но уверенно, вынуждая ответить на его поцелуй. И я отдалась этой накрывшей меня с головой страсти, смело покоряясь его воле.

Его губы были такими горячими и мягкими, такими непотворимо чувственными! Его большая рука держала мой затылок, запустив пальцы в копну моих распущенных волос.

Это был требовательный поцелуй, наполненный отчаянием. Я забыла, как дышать. Земля ушла у меня из-под ног, колени стали ватными и подкосились. Он почувствовал это и обхватил другой рукой мою талию ещё крепче. Никогда не думала, что поцелуи могут заставить человека забыть обо всём на свете. Но это происходило на самом деле, здесь и сейчас и именно с Лоуреном. Я хотела, чтобы этот момент не заканчивался никогда!

Моё сердце норовило выскочить из груди, и мне не хватало воздуха, когда он прервал поцелуй. Я уцепилась за его рукава, избегая его взгляда, потому что мне стало жутко неловко перед ним, хотя это была его инициатива – поцеловать меня. Но больнее всего ранило понимание, что он сделал это, всё ещё испытывая любовь к моей сестре. Лоурен страдал по ней и, касаясь меня, думал о ней, даже, возможно, воображал, что это она стоит сейчас перед ним. Я должна была

остановить его или хотя бы оттолкнуть, но не смогла и не захотела, и это меня пугало. Я отвратительная, испорченная девчонка!

– Какая же ты дурочка! – он провёл ладонью по моей голове и крепко прижал к себе.

Да, он прав, я дура! И тут он задрожал. Неожиданно я почувствовала тёплые капли у себя на шее под сбившимся шарфом. Лоурен плакал, не издавая ни единого звука.

– Я так жалок, – произнёс он абсолютно ровным голосом даже сквозь слёзы, – докатился до того, что меня жалеет маленькая школьница. Прости!

Я оторопела от неожиданности, но потом смело обвила руки вокруг его широкой груди и прижалась к нему сильнее. «Плевать на всё, – подумала я, – даже на то, что мы, по сути, враги и что всё это неправильно! Сейчас он нуждается во мне». Я абсолютно уверена, что стойкий и сильный Лоурен редко позволяет себе такую роскошь, как раскиснуть и пустить слёзы.

Я мысленно простила ему этот нечестный поцелуй и то, что он использовал меня, чтобы утолить свою боль и печаль. Я, как всегда, сумею задвинуть происшедшее в дальний угол своих воспоминаний. Я обладаю сильной волей, и однажды всё происходящее в эти минуты потеряет значение.

Я отдала Лоурену свой первый поцелуй, но он никогда не должен узнать об этом, потому что у нас нет будущего, потому что он никогда не сможет влюбиться в такую, как я. И

дело даже не в колоссальной разнице в возрасте между нами. Мы разные. Я всегда останусь для него шумной девчонкой, доставляющей неприятности, а он для меня мистером Невыносимость.

– Ничего. Поплачь, и тебе станет легче, – прошептала я ему на ухо.

И так мы стояли одни на пустынной дороге, два вселенских одиночества, канув в бесконечность. Время для нас перестало существовать, как и всё вокруг. Я знала, что это первый и последний момент, когда я вижу его слёзы, и, возможно, первый и последний, когда мы так близки мыслями, чувствами, душой и телом.

Лоурен отвёз меня обратно домой. Петер был в душе, а Карина мыла посуду на кухне, когда я вошла.

– Вернулась? Долго вы, – заметила она мимоходом.

– Лоурен ещё объяснил мне пару непонятных примеров, – оправдалась я.

– Понятно. Я надеюсь, мы вас не слишком огорошили своей помолвкой? – спросила она, явно нервничая, ожидая моего ответа.

– Конечно, нет, – соврала я тут же, и эта ложь прозвучала довольно правдоподобно. Карина еле слышно вздохнула с облегчением.

Я всё ещё верила, что Петер именно то, что ей нужно для счастья, и тем не менее меня грыз вопрос, почему Карина отказала Лоурену. Они прекрасно ладили и понимали друг друга с полуслова. Карина его всегда боготворила, и вполне вероятно, что она испытывает к нему гораздо больше, чем показывает. Мы просто никогда не говорили об этом.

Неужели я и правда единственная преграда у них на пути?! Вдруг ещё можно что-то изменить? Вдруг сестра совершает ошибку, о которой потом пожалеет? Стоит сейчас всё прояснить, пока ещё не поздно!

– Лина! – окликнула меня сестра. Я вздрогнула. Звуки пе-

рестали проникать в мой мир, как только я погрузилась в глубокие размышления.

– Всё хорошо? – переспросила она озабоченно. – Вы с Лоуреном, случаем, не поругались?

Я замотала головой. Нужно спросить во что бы то ни стало! Я набрала воздух в лёгкие и выпалила:

– Слушай, может, это сейчас прозвучит странно, но... что ты испытываешь к Лоурену?

Карина вытаращила на меня удивлённые глаза.

– С чего вдруг такой вопрос?

– Ну, может быть... может быть... может быть, вы могли бы...

– Никаких может быть! – прервала она уверенно мои усиленные попытки закончить фразу. – Мы всегда были хорошими друзьями. Это то, что я к нему испытываю. С чего это ты стала интересоваться такими вещами? – она бросила на меня настороженный взгляд.

Я тут же покраснела.

– Не подумай ничего такого, это всего лишь любопытство. В конце концов, Лоурен вечно крутился возле тебя, ну и сама понимаешь...

Ни с того ни с сего она вдруг заулыбалась во весь рот, как дурочка.

– Я так рада! – прощепетала Карина умилённым голосом.

– Чему? – я отшатнулась от неё, как от полоумной. Она начала нести какую-то несурязицу.

– Я дожидала до момента, когда ты начала спрашивать про Лоурена. Наконец-то вы подружились! Как же я долго ждала этого! Всё же хорошая была идея с репетиторством. Хотя Лоурен поначалу наотрез отказывался, да и ты строила недовольную мину, но я была уверена, что это поможет вам наконец найти общий язык.

– Так ты это спланировала? – я была в шоке от её признания.

– Не то чтобы спланировала. Такое нельзя спланировать. Но я молча надеялась, что вы перестанете воевать. И оценки твои заметно в гору пошли, да ещё за такое короткое время. Двойная радость, так сказать.

– Это подло! – я надула губы. Не думала, что моя сестра способна придумать такой коварный план.

Она рассмеялась:

– Ну а что мне с вами ещё было делать? Вы оба упрямые как ослы и, ко всему, темпераментные, хоть каждый по-своему. Убеждать вас в чём-то себе дороже. Сами вы лучше разобрались между собой, без постороннего вмешательства. По крайней мере, на нашей с Петером свадьбе вас теперь не страшно посадить вместе.

– Ха-ха, очень смешно! – передразнила я её в ответ.

Вот все мои сомнения и разрешились, но я так и не смогла спросить самого главного: почему она не ответила на чувства Лоурена? Карина категорично заявила, что они друзья... Может, она вообще отрицает тот факт, что он её лю-

бит, или же Лоурен сказал ей о своей любви так, что она не поняла, к чему он клонит. В любом случае, видимо, я ещё не созрела для того, чтобы узнать всю правду в деталях. Сама не знаю почему, но мне было страшно.

Поднявшись к себе в комнату, я умылась и упала в кровать. На душе кошки скребли. Сон не шёл. Я потянулась к подарочному пакету, что стоял возле моей кровати, и достала оттуда книгу сказок, которую подарил мне Лоурен. Вытянув её перед собой, я стала внимательно разглядывать красивый плотный кожаный переплёт.

Что же испытывает ко мне Лоурен? Что значит этот его подарок и значит ли вообще что-то? И почему вдруг в моей жизни появилось так много вопросов без ответов, стоило только немного поменаться моему отношению к нему? Даже Карина это заметила. Нет смысла отрицать, что между нами наступила оттепель. Мы не те, что раньше. Но ведь и дружбой назвать то, что между нами происходит, нельзя. И этот поцелуй сегодня...

Я зажмурилась от нахлынувших на меня воспоминаний и прижала книгу к груди. Моё сердце билось как ненормальное, когда я закрыла глаза и представила его лицо и холодные руки, что жадно сжимали меня в объятиях. Мои губы до сих пор пылали и казались слегка припухшими. Невозможно, чтобы человек, которого я так долго ненавидела, мог вызвать у меня такую бурю эмоций.

Я ведь и правда совсем не злюсь на него из-за этого по-

ступка. Мне хочется ещё раз ощутить его прикосновения, хочется быть завоёванной им, хочется впитывать в себя его силу. С ним рядом всегда спокойно, он заставляет меня чувствовать уверенность в своих силах, но эти мысли сводят меня с ума! Подобный бред полоумной Лины заставляет другую, рассудительную и хладнокровную Лину громко протестовать, и в итоге разум снова победил и подавил во мне одурманивающий приступ любовной лихорадки. Мимолётное сказочное видение не имеет никакой связи с реальным миром. В настоящей жизни чужие люди не становятся ни с того ни с сего лучшими друзьями и уже тем более не влюбляются.

После Дня святого Валентина я не видела Лоурена неделю, а когда мы встретились, он вёл себя как ни в чём не бывало. Мы не говорили о том, что произошло между нами на дороге. Чего и следовало ожидать. Я, наверное, была рада этому. Так проще. Мы вернулись к привычным делам, и нет между нами неловкости и обид. Но забыть вкус его поцелуя мне стоило огромных усилий.

Я не могла понять, почему такая мелочь всколыхнула меня, когда я с лёгкостью поборола унижение после его сексуального домогательства в нашу первую встречу у него дома. Но в итоге, включив свой пофигизм, я всё-таки перестала терзаться размышлениями, страдает ли он до сих пор по Карине или нет. Я за ним больше не замечала ровным счётом никаких эмоций, но, зная его великолепную способность

прятать чувства глубоко внутри, могла предположить, что он ещё не до конца отошёл от своей потери. Только меня это больше не касается. Мне наплевать! Яростная борьба внутри меня против сентиментальной Лины увенчалась успехом.

В предэкзаменационной суматохе мне уже ни до чего не было дела, кроме как до учёбы. Карина с Лоуреном очень поддерживали меня всё это время, не давая сгинуть на тот свет. Я часто забывала даже поесть, занимаясь уроками. Без моих близких у меня бы точно сдали нервы и подкосилось здоровье.

Я не раз билась в истерике, потому что наступали моменты, когда мне казалось, что я зашла в тупик и не продвигаюсь ни на миллиметр дальше. Тогда только Лоурен был способен поставить меня на место. Только ему одному хватало терпения выносить весь мой бред, что я несла, сталкиваясь, как мне казалось, с непреодолимыми трудностями. И вот, наконец, свершилось! День сдачи экзаменов настал, и я не упала в обморок, и меня не вытошнило на парту, и я не заболела накануне. Местами я даже ловила себя на мысли, что задания очень простые по сравнению с теми, что давал мне Лоурен для упражнений.

В итоге я окончила гимназию в тройке самых лучших. Карина плакала от счастья, когда мне сообщили результаты. Одну меня отличный аттестат не заставил гореть восторгом. То ли мне не верилось, что школьному кошмару пришёл конец, то ли я просто устала. А может, и то и другое. Потом

я спала неделю подряд, почти не вставая с постели, и никто даже не пытался меня из неё вытащить.

Вскоре после окончания экзаменационного периода мы отгуляли свадьбу Карины и Петера, а потом и мой выпускной. Лоурен был по горло завален работой, но сумел выкроить время, чтобы посетить оба праздника. На свадьбе самообладание его ни разу не покинуло, и на выпускном он с привычной чопорностью стойко досидел до окончания церемонии вместе с моей сестрой и Петером. Я знала, что он гордится моим успехом, даже если не говорит об этом вслух.

Мне дали медаль, и директор произнёс красивую речь. В тот момент меня наконец пробрало чувство гордости за мои достижения. Я даже всплакнула от умиления. Хорошо, что Лоурен, глядя в моё сопливое, заплаканное лицо, ехидно заулыбался. Тут же размазня Лина пришла в чувства и с достоинством отличницы выдала с трибуны прощальную речь, как подобает человеку, только что переступившему порог взрослой жизни, а именно – твёрдым и уверенным голосом, гордо подняв голову, смотря прямо на внимательно слушающую публику. Оказывается, у меня нет боязни выступления перед толпой, хоть Аннета пророчила, что у меня обязательно затрясутся поджилки.

На этот раз сопли распустили учителя и директор, а не я. Под звук громких аплодисментов, стоя на сцене вдали ото всех, я широко улыбалась и позволила себе быть бесконечно счастливой. Я утёрла нос всем, кто вечно смеялся над моим

неряшливым видом. Пока они красили губки и обсуждали мальчиков, я уверенно шла к своей цели и поступила в самый престижный университет Берлина на медицинский факультет.

Ну а Лоурен, даже не выходя на трибуну, без внимания не остался ни на свадьбе Карины, ни на моём выпускном, но его холодность в итоге быстро разогнала всех, даже сильно назойливых одиноких дам. Правда, косились на него от этого не меньше, особенно мои бывшие одноклассницы. Бесстыдные курицы несколько не стеснялись пожирать его похотливыми взглядами. Похоже, его возраст их никак не смущал, скорее наоборот.

А если анализировать всё время после того, как Карина объявила о своей свадьбе, то Лоурен изменился, хотя это поначалу было сложно заметить. Он стал более отрешённым, чем раньше. Это проявлялось не только по отношению к Карине, но и ко мне. Вроде бы он постоянно находился где-то поблизости, но в то же время невероятно далеко. С Кариной он по-прежнему был приветлив и мил, но неуловимая разница в его улыбке, жестах и словах была налицо. Скорее всего, я просто всегда очень пристально за ним наблюдала, поэтому замечала эти перемены. Не думаю, что сестра придавала подобным мелочам значение, но Лоурен явно сторонился её так же, как и меня.

После моего выпускного мы постепенно практически совсем перестали общаться, кроме как по делу. К нам домой

он стал заглядывать крайне редко. Я по-прежнему навевдалась к нему несколько раз в неделю, чтобы убирать его квартиру и готовить еду, но его в основном не было дома, или же он сидел у себя в кабинете и даже не выходил поздороваться. Если до экзаменов он всегда был в пределах досягаемости для меня, пусть мы соблюдали жёсткую дистанцию, то после моего выпуска он резко переключился в режим «планета Марс», что означало: видимся издалека и никакого контакта. Он выполнил своё обещание сполна. Я не просто хорошо окончила гимназию, я поступила с отличным баллом на медицинский факультет, чего моя сестра, наверное, никогда от меня не ожидала. Лоурен ушёл с роли моего учителя, и необходимость часто видеться отпала.

Я должна была бы почувствовать облегчение, избавившись наконец-то от мистера Невыносимость, от его вечных упрёков и недовольной мины, но мне было грустно.

Когда начались каникулы, я всё сильнее стала ощущать одиночество. Неожиданно у меня появилась куча свободного времени, которое нечем было заполнить, и мысли о Лоурене снова стали меня доставать. Аннета на лето уехала к своим бабушке и дедушке, что жили в Киле на побережье Балтики. Карине и Петеру было не до меня. Они только поженились и всё свободное время проводили наедине. Я старалась чаще уходить из дома, чтобы не мешать им, и начала размышлять о том, что пора бы задуматься о собственном жильё. Я остро ощущала, как стала помехой.

Иногда, когда я проходила мимо дома Лоурена, мне жутко хотелось зайти к нему, но я точно знала, что я там нежеланный гость. Сейчас я бы обрадовалась даже его ругачке. Это избавило бы меня от чувства, что я стала пустым местом для всего мира.

Настойчиво я внушала себе, что лето когда-нибудь кончится, снова начнётся учёба и на новом месте я наверняка найду себе новых друзей. Просто этот переход нужно перетерпеть. Перемены всегда даются нелегко. Нужно стараться не унывать.

Почти все дни я проводила в парке, лёжа на лавочке, слушая аудиокниги и смотря в небо. В середине августа моя сестра и Петер уехали на две недели в свадебное путешествие на Гавайи. Путёвку им подарил на свадьбу Лоурен. Мне юга вообще не светили, так как мы очень потратились на праздники.

На время отъезда Петера и Карины меня опять поселили у Лоурена. Это было так же смешно, как и тогда, на Рождество. Во-первых, Лоурену было не до меня, и он этого не скрывал, а во-вторых, даже если бы я и захотела уйти в отрыв, мне всё равно было бы не с кем. И тем не менее я снова обитала в этом ужасно огромном доме, безжизненная атмосфера которого ещё больше погружала меня в бездну одиночества.

Порой мне было так тошно, что я была готова разразиться рыданиями. Оттого, что я от нечего делать ежедневно с особой тщательностью убирала бардак, создаваемый Лоуре-

ном, его квартира делалась только холодней и уютней. Я заставила всё цветами, но даже это не помогло. Единственным положительным эффектом сей затеи было то, что хозяин дома наконец обратил на меня внимание.

Его выговор, чтобы я немедленно ликвидировала оранжею, потому что его дом стал походить на жилище восьмидесятилетней вдовы, был словно бальзам на душу. От половины растений в итоге пришлось избавиться, но кое-каким дозволили остаться.

Так вот, в один прекрасный день я приползла с очередной своей бесцельной прогулки и в полном упадке духа рухнула в плетеное кресло на балконе с бокалом кока-колы в руке. Безделье меня утомляло ещё больше, чем усердная учёба, но на данный момент мне всё равно ничего не хотелось. Наверное, у меня начиналась депрессия.

Неожиданно на террасе возник Лоурен. Я даже испугалась. Его в такое время – а было чуть за полдень – дома обычно не бывало.

– Собирай чемодан! Мы через три часа улетаем на Капри, – выпалил он резко.

Я выпучила глаза. Я так давно ни с кем толком не разговаривала, что подумала, будто звук его голоса мне померещился.

– Куда? – разинув рот, спросила я, не зная, что ещё мне на это сказать. Я перегрелась. Лоурен точно мираж!

– Капри! Это остров в Италии, безграмотное ты создание,

– ответил он преспокойно, наблюдая за моим скептическим выражением лица.

– Я знаю! – рывкнула я, возвращаясь с небес на землю. Нет, это не мираж. Увы. – Зачем туда лететь? – спросила я по-новому.

– У меня там важная конференция.

– Ну а я-то тут при чём? – ответила я, расслабляясь и снова откидываясь в кресле, неторопливо отпивая кока-колу из ледяного запотевшего стакана. Для меня вопрос был исчерпан.

– А то, что ты едешь со мной!

– Ты в курсе, что я способна пару дней побыть одна? Я совершеннолетняя, вообще-то! Да и я тебе там точно не нужна.

– Тебя оставили на меня, а значит, ты едешь со мной! Нас не будет четыре дня. Карину я уже предупредил, – отрезал он тоном, не терпящим возражений. – Долго ещё собираешься пререкаться или вещи пойдёшь паковать? Иначе полетишь без них, даю гарантию!

– Ладно! Уже иду, – пробубнила я недовольно на его приказной тон. Он тут же развернулся и покинул балкон.

Поразительно, как Лоурен отдалился от меня. Так, словно мы никогда не сближались. Он старательно игнорировал моё присутствие у него в доме, в лучшем случае мы перекидывались парой слов при встрече. Я бы соврала, если бы сказала, что меня это не волнует, но я старалась об этом не думать. Прошло целых полгода с того рокового Дня всех влюблён-

ных. Пора бы смириться с тем, что мы не созданы для дружбы и близких отношений. Я с самого детства это знала, но мы столько времени провели вместе и столько пережили, пока он был моим репетитором, что я просто не могла взять и сделать вид, что всего этого не было. Но вот у него это неплохо получалось.

Почему он со мной так поступает? Я ведь не Карина, но он как будто начал наказывать меня за то, что я близка с ней, а он нет. Время идёт, и дистанция между нами увеличивается. Скорее всего, скоро настанет момент, когда мы будем встречаться раз в год на Рождество, а может, и вовсе перестанем видеться.

Если поразмыслить, то это логичный исход событий. Мы живём совершенно разными жизнями, и в его мир мы с Кариной попали случайно, благодаря его дружбе с отцом. А потом он начал заботиться о Карине, но теперь это делает Петер. А я? Ну а я... я для него всего лишь обуза, надоедливая, не слишком способная ученица, избавившись от которой он сто процентов вздохнул с облегчением. Но мне хотелось ещё хоть чуть-чуть побыть с ним рядом и помечтать, что он будет опекать меня, как тогда, когда был моим учителем. Наверное, от этого станет только сложнее его отпустить, но наша поездка всё равно давала мне надежду, что возникшая между нами пропасть преодолима.

Наверняка он будет всё время очень занят. Мне остаётся постараться быть тихой и не злить его. Тогда, может, он

захочет поговорить со мной и провести вместе время, искупаться в море или посмотреть на закат. Мне это очень нужно! Потом я попрощаюсь с ним навсегда...

8

Вещи долго собирать не пришлось, поэтому я не особо торопилась допивать колу. Все мои пожитки уместились в маленькую дорожную сумку – хотя Лоурен выдал мне чемодан, наивно полагая, что я, как все нормальные девушки, переехав на новое место на две недели, привезла с собой весь свой шкаф. Он поставил его под дверью моей комнаты. Чемодан был отвратительно-розового цвета. У меня даже глаз задёргался, когда я подумала, что Лоурен купил его для меня. Неужели недостаточно очевидно, что весь этот гламур весьма странно сочетается со мной? Но всё же его неожиданная забота обо мне заставила меня улыбнуться.

Подаренный чемоданчик я закатила к себе в комнату и поставила в угол, накрыв полотенцем, чтобы в глаза не бросался этот жутко ядовитый цвет. Потом я подумала, что странно себя веду, и убрала полотенце: ведь я уезжаю, а значит, смотреть мне на него не придётся. Я решила передарить его Аннете, когда она приедет обратно. Моя подруга от таких вещей всегда млела.

Когда Лоурен постучал ко мне в комнату, я сразу вышла. Внизу стояли два его больших чемодана и огромная дорожная сумка. У меня челюсть отвисла. И это мы едем на четыре дня! Сколько же он берёт с собой, когда уезжает на две

недели или на месяц?! Но моя удивлённая мина не шла ни в какое сравнение с его удивлением. Он посмотрел на меня, потом на мою маленькую сумку, потом снова на меня и на сумку.

– Где твои вещи? Где чемодан? – изумился он.

– Где-где! – передразнила я его. – Чемодан, от которого рябит в глазах, с нами не летит, а вещи в этой сумке. Где им ещё быть? Я же не как ты, мне не нужны горы брендовых шмоток! Мне хватает на лето пары шорт, пары маек и нескольких пар нижнего белья. Косметикой я не пользуюсь практически. А шампунь с зубной щёткой прекрасно и в эту сумку поместились вместе со всем остальным.

Лоурен драматично закатил глаза.

– Ты безнадёжна! И за что мне такое наказание?! – взмолился он небесам и устало потёр лоб своими длинными пальцами. – Хорошо. Задержишься в Неаполе. Моя помощница как раз там. Она пройдётся с тобой по магазинам и купит всё необходимое.

– Не надо мне ничего! – возразила я.

История повторялась, он снова пытается натянуть на меня то, что я не хочу носить. Но ведь я решила быть паинькой и не перечить ему, чтобы не злить, хотя уже в самом начале провалила миссию.

– Это не подлежит дискуссии. Мы будем жить в самом лучшем отеле острова, и там останавливается соответствующая публика. Ты не можешь ходить вот так! – он указал на

дырки в моих светло-синих джинсах.

– Вообще-то, это модно! – надула я губы. Сама не понимаю, почему начала с ним спор. На самом деле я радуюсь вылазке. Меня ждут море и солнце. Неожиданный отпуск.

– Замолчи уже и топай вниз к машине! – проворчал он сердито и силой снял сумку с моего плеча.

В это время в дверь позвонили, и вошел водитель, который отнёс и погрузил наш багаж в машину. Всю дорогу в аэропорт мы ехали молча. Я всё время искоса поглядывала на Лоурена, но он был слишком углублён в изучение каких-то документов, чтобы заметить, как я за ним наблюдаю.

Конечно, меня всё ещё не радовала перспектива ходить по ненавистным магазинам, но моё желание оказаться в другой стране под солнцем с Лоуреном перевешивало всё. Будет что рассказать Аннете. Когда она узнает, что я была в Италии и закупалась в самых изысканных бутиках, она упадёт в обморок. О таком можно только мечтать. Жаль, что я так равнодушна к роскоши. В кого я только пошла синим чулком? Сестра всегда прихорашивается и принаряжается, а я в лучшем случае по большим праздникам пересиливаю себя и надеваю что-то не совсем обыденное и подкрашиваюсь.

Все атрибуты для наведения марафета кажутся мне пафосными. Красивые вещи я сравниваю с обёрткой на конфете. Это выглядит привлекательно, но в итоге содержимое играет роль, а фантик всегда приземляется в мусорном ведре. Ведь едят конфету, а не обёртку, так и зачем тогда тратить

время и деньги на то, что в итоге не имеет смысла? Хотя с моей логикой вряд ли кто согласится. Да и смириться мало кто сможет. К примеру, Лоурена я не устраиваю такой, какая я есть. У него весь мир кружится вокруг шикарного, дорогого и эксклюзивного. Ему чуждо моё мышление.

Наступил полдень, когда мы добрались до аэропорта через немалые пробки. Подъехали мы не к его главному зданию, а к небольшому ангару в стороне. На лётном поле нас уже ждал приватный самолёт Лоурена.

– У тебя ещё и самолёт свой есть? – протараторила я, поражённая до глубины души, выпучив глаза на красивую, блестящую на солнце крылатую машину.

Он поднял бровь и посмотрел на меня как на полоумную.

– У меня есть не только самолёт, а ещё вертолёт и две яхты. Неужели ты думала, мы полетим обычным чартерным рейсом в экономклассе вместе с ревущими детишками и полупьяными туристами, которые успели перед вылетом наклюкаться дешёвой выпивкой из дьюти-фри? Ты за кого меня держишь, балбеска?! – возмутился он, как будто у каждого человека есть яхты, самолёты и вертолёты и это абсолютно нормально.

Вот он, яркий пример заоблачного самодовольства и надменности! Нда-а-а! Высший класс!

– Действительно, куда уж нам, плебеям, до тебя, мистер Совершенство! – процедила я себе под нос и поплелась к трапу вслед за Лоуреном.

Внутри самолёта нас встретили несколько стюардесс, которые тут же подлетели к Лоурену с услужливыми, заискивающими улыбками. Всё время полёта они не давали нам покоя, сновали туда-сюда, переспрашивая, всё ли в порядке и не желаем ли мы чего-нибудь.

Перед вылетом с нами поздоровался и пилот: высокий молодой мужчина, очень вежливый и приветливый. Когда я отправилась на своё место, они с Лоуреном какое-то время о чём-то оживлённо беседовали. Похоже, они друзья. Я никогда не могла представить Лоурена в компании друзей, потому что не верила, что он умеет веселиться. Но, наверное, я ошибалась. У Лоурена множество сторон, о которых я не знаю, что ещё раз доказывает, как далеки мы друг от друга.

Откинувшись в мягком холодном кожаном кресле, я приготовилась к взлёту. Я обожаю полёты! С неподдельным восторгом я наблюдала в окно иллюминатора, как земля остаётся далеко внизу и мы начинаем парить в облаках. Лишь спустя некоторое время я заметила, что Лоурен пристально смотрит на меня. В руках он держал документы, которые до этого просматривал. Оказалось, что один из его огромных чемоданов был полностью набит бумагами.

Я сконфуженно покосилась на Лоурена, потому что не смогла растолковать его взгляд, и спросила напрямую:

– Что такое? Может, я мешаю?

– Твои радужные вздохи действительно немного отвлекают, – он скривил губы в усмешке, а я нахмурилась.

– Тогда заткни уши, – пробубнила я недовольно в ответ, и он тихо рассмеялся.

– Нет надобности. Эти звуки не так уж и плохи.

Потом Лоурен снова опустил взгляд и ушёл с головой в чтение своих бумаг.

Я покраснела. Он иногда говорил очень странные вещи, смысл которых я до конца не понимала, но они тем не менее пронзали меня насквозь.

Пока он работал, я воткнула в уши наушники и стала слушать очередную историю, потягивая холодный тоник со льдом из дорогого хрустального стакана. Нужно переключиться на другие мысли! Срочно!

Примерно через два с половиной часа мы приземлились в Неаполе, без запарок прошли паспортный контроль, и у частного входа в аэропорт нас ждала помощница Лоурена – высокая сногшибательная блондинка на каблуках, которую звали Жасмин. Даже у меня от её вида слюни потекли. В груди у меня что-то ёкнуло, когда мне подумалось, что Лоурен наверняка крутит с ней роман. Учitando, что он постоянно находится рядом с такой красоткой, я не могла представить, что у них совсем ничего нет. Я сразу же одёрнула себя. Это не моё дело!

Несмотря на всю божественную привлекательность Жасмин, в ней не оказалось ни капли зазнайства. Она была простой, отзывчивой и приветливой, чем сразу расположила меня к себе. Где Лоурен только нашёл такое сокровище?

Она предел мечтаний всех мужчин! Пожалуй, меня немного удивляло, что Лоурен влюбился в Карину, когда его помощница походит на супермодель. Не то чтобы моя сестра некрасивая, нет, она очень симпатичная, умная и сильная, но Жасмин просто совершенство во всех смыслах.

Помощница Лоурена повезла меня по магазинам. Он отправил нас одних за покупками, дав ей указания к вечеру доставить меня на Капри в нашу гостиницу.

Мы сразу начали непринуждённое общение на разные темы: болтали о моей учёбе, одноклассниках и поступлении. Жасмин рассказывала мне о своей работе и о том, как попала к Лоурену. Они случайно встретились на каком-то благотворительном ужине, а до этого она была секретаршей в другой крупной фирме. Лоурен переманил её к себе из-за уникальных организаторских способностей. Только мне с трудом верилось, что это была единственная причина. По её манере говорить о Лоурене я сразу поняла, как сильно она им восхищается и как его уважает, но и над его придирчивостью и вредностью мы тоже немного посмеялись.

Никогда бы не подумала, что доживу до момента, когда буду с удовольствием ходить по магазинам. Но в компании Жасмин это действительно приносило радость. Она не торопила меня с выбором, не критиковала мой вкус и очень деликатно подсказывала, что мне будет к лицу, а что нет. В итоге мы взяли всё, что необходимо, и ничего лишнего, в том числе платье и туфли для банкета, который состоится после

завершения трёхдневной конференции.

Я старалась не смотреть на ценники, потому что цифры, нарисованные на них, вызывали у меня головокружение. Было такое ощущение, что эти вещи сделаны из золота, а не из ткани, хотя, как мне казалось, они выглядят нисколько не лучше, чем шмотки из обычных магазинов. Жасмин объяснила мне, что это эксклюзив высшего класса из очень качественных материалов ручного пошива. Меня утешало то, что Лоурен со своим дотошным вкусом останется доволен. Переживать за его кошелёк не приходилось. Он сам велел нам тратить столько, сколько понадобится.

Даже при нашем прохладном общении в последнее время он всё ещё балует меня. Его щедрость заставляет надеяться, что в этой поездке мы сможем наладить наши отношения.

На Капри мы добрались на частном катере, когда уже давно стемнело. Кроме очертаний острова в огнях и блеска тёмного моря, что омывало его берега, различить я ничего не смогла.

Прибыв наконец-то в гостиницу, расположенную в одной из многочисленных бухт, я буквально валилась с ног. Денёк выдался весьма насыщенным. Было такое ощущение, что я резко переместилась во времени и попала в совершенно другой мир. Всё происходящее казалось нереальным. Но ничто не могло помешать распиравшему меня чувству счастья. Тёплый морской воздух дурманил голову. Мне казалось, что я уже из фойе гостиницы слышу шум прибоя. Хотелось бросить всё и, не поднимаясь в номер, сразу же бежать на пляж. Но нужно было сначала попрощаться с Жасмин и отнести вещи наверх.

Гостиница была, мягко выражаясь, шикарной: полы из белого мрамора, натёртые до блеска, огромные хрустальные люстры под потолками и повсюду красные ковровые дорожки. Персонал был настолько вежлив и обходителен, что аж оскомина на зубах набивалась. Нам сообщили, что при отеле есть несколько спортзалов, внутренний и внешний бассейны, сауны, бильярд, поле для гольфа, любые СПА-услуги –

все тридцать три удовольствия на любой вкус и цвет, но... я хотела одного – просто сходить к морю!

Жасмин проводила меня до номера, и я ещё раз поблагодарила её за потраченное на меня время. Распрощавшись с ней, я вздохнула с облегчением. Свобода – это такое сладкое слово!

Я поставила пакеты с покупками у входа и присела на минутку на красивый белый диван, который стоял посреди комнаты, чтобы чуток передохнуть. «Всего одну минутку, – решила я, – а потом можно бежать на пляж». Море зазывало, манило меня к себе ласковым, мерным шумом волн, который доносился из открытых настежь окон. Мои глаза незаметно сомкнулись, и я уснула крепким, безмятежным сном. Продрала я их рано утром. Тёплые солнечные лучи сочились через начищенные оконные стёкла. Из распахнутых двустворчатых дверей на балкон был слышен шёпот моря, и ветерок раздувал тонкие белые полупрозрачные занавески.

Я лежала в кровати. Как я в неё переместилась, было загадкой. Может, в этом ультранавороченном отеле уже изобрели телепортацию? Чем чёрт не шутит! Но я понимала, что, скорее всего, мой телепорт носит имя Лоурен Гроссмайер. К счастью, он не додумался меня раздевать, а уложил прямо в верхней одежде.

Я встала и оглянулась в своём царстве. Невероятных размеров комната была вся устлана белым персидским ковром. Он был таким мягким, что словами не передать! Казалось,

мои ноги утопают в большом облаке из невесомых пёрышек. В углу стоял небольшой шкаф из настоящего красного дерева, украшенный резьбой, а ещё массивный письменный стол и милый комод.

Я вышла на маленький балкончик с выпуклыми витыми чугунными перилами, на которых висели горшки с яркими цветами. Отсюда открывался великолепный вид на лазурь Тирренского моря. Я вздохнула от восторга и поскакала дальше.

Ванная комната тоже оказалась произведением искусства. Она была огромной, со множеством зеркал и с джакузи на полкомнаты. Когда я в неё залезла, то оказалась на седьмом небе от счастья. Эти приятные пузырьки невероятно расслабляют! Пожалуй, к такому легко привыкнуть.

Наш люкс-номер состоял из трёх комнат. Одна моя, одна Лоурена и зал. Я вышла свежая, отдохнувшая и в новых вещах. В гостиной за завтраком уже сидел Лоурен, весь при параде, с газетой в руках. На круглом стеклянном столе были круассаны, блинчики, фрукты, несколько видов соков и мармелада, и в комнате приятно пахло кофе. Наконец-то я дождалась момента, когда могу насладиться завтраком, который приготовил кто-то другой!

Босая, вприпрыжку я подлетела к свободному стулу и уселась напротив Лоурена с довольной миной. Несмотря на то, что ковры тут были достойны богов, он сидел в закрытых кожаных ботинках, отчего мне сразу захотелось треснуть его

побольней за такое кощунство.

Он поднял голову, отрываясь от чтения газеты.

– Выспалась? – спросил он чисто ради вежливости.

– Ага! Спала как младенец! Какие планы на сегодня? – спросила я, подбирая под себя одну ногу, хватая круассан, отламывая кусочек и запихивая в рот.

Он посмотрел на меня недовольно, но ничего не сказал. Раньше он меня часто отчитывал за то, что за столом с задранными ногами сидеть неприлично, но потом сдался.

– У меня совещание. Вернусь нескоро, – отрезал он. – Наслаждайся пребыванием тут. Смело покупай всё, что захочется. Пусть всё запишут на мой счёт.

Его слова звучали заманчиво, но всё же одной проводить время на курорте не слишком весело.

– Странное место для проведения деловых встреч. Как вообще можно работать там, где все отдыхают?

С самого начала было ясно, что он не сможет так просто бросить дела, – и всё же я не смогла подавить разочарование от того, что на пляж мы пойдём не вместе. Зачем было сюда тащиться и дразнить красотой вокруг, если нужно работать?! Но он не уловил подтекста в моих словах.

– Богатые люди любят совмещать приятное с полезным, чтоб ты знала, – и снова этот высокомерный взгляд, который заставлял меня ощущать всю степень моего невежества.

– Спасибо, что просветил, – буркнула я себе под нос.

Закончив завтрак даже раньше, чем Лоурен, я тут же по-

мчалась надевать купальник. Накинув сверху лёгкий белый сарафан, я побежала на выход. Больше я не могла терпеть ни минуты. Море ждёт меня! Раз Лоурен занят, я безропотно приняла свою участь и приготовилась развлекаться в одиночку.

– Смотри не утони! – предупредил он, не отрывая глаз от газеты, пока я скакала на одной ноге возле двери, пытаюсь натянуть греческие сандалии, что мы купили с Жасмин в каком-то жутко дорогом обувном магазине.

Я покосилась на него, прищутив глаз.

«Стоп. А как он догадался, куда я пойду? Я его в свои планы не посвящала и чисто теоретически могла пойти куда угодно!»

Лоурен словно прочитал мои мысли и ответил, улыбнувшись украдкой:

– Ты во сне всё время бормотала слово «море».

Я покраснела, наблюдая за его лицом. Снова я поймала себя на мысли, что люблюсь им. Меня злило, что я не понимаю, почему со мной происходят эти вещи снова и снова. Может, я, конечно, к нему и привязалась, но это слабое оправдание моему странному поведению.

– Не утону, я плаваю хорошо, – пробубнила я в ответ.

– Береги себя! Кстати, симпатичный сарафан! Вижу, вы с Жасмин продуктивно провели время вчера! Я рад.

Это его замечание ещё больше вогнало меня в краску, но, по крайней мере, я наконец могла поставить галочку, что

хоть чем-то ему угодила. У меня обязательно должно получиться наладить с ним отношения! Я улыбнулась про себя и, помахав ему рукой, выпорхнула из номера.

Пляж с огромным баром и лигами, что больше походили на кровати с навесами из полупрозрачной белой ткани, был шикарен. Песок был мягкий и нежный, словно сахарная пудра.

Я проигнорировала лиги, взяла полотенца, которые любезно вручались обслуживающим персоналом прямо у входа на пляж, и расстелила одно у кромки прибойя. На песке лежать куда приятней. Вся отдыхающая публика одарила меня презрительными взглядами, но мне было наплевать. Может быть, другого человека сконфузило бы столько недоброжелательности, но у меня к подобному уже давно выработался иммунитет. Хотя я вполне могла бы сойти за одну из них в моём брендовом купальнике, если бы вела себя как подобает, но мне не хотелось. Я вообще не люблю подстраиваться под других, и даже неприятные ситуации не всегда могут заставить меня отступить от своих правил. Наверное, это называется упрямством, и вряд ли это можно назвать хорошей чертой характера, но избавляться от вредных привычек я пока не находила целесообразным.

Только я улеглась на горячий песочек, ко мне сразу подлетел официант из бара. Типичный загорелый красавец с идеально прокаченным телом и белоснежной улыбкой, что слепила глаза. Ему впору было работать актёром или моделью,

но, видимо, тут и за работу обычного официанта платили неплохо.

Этот Аллен Делон уболтал меня на коктейль, и, когда я искупалась в море, он уже стоял возле моего уникального места с бокалом в руке в ожидании моей скромной персоны. Попробовав этот чудо-напиток, я чуть не потеряла дар речи! Коктейль был восхитителен! Бармен мастер своего дела! Лучший из лучших! Никогда в жизни не пила ничего настолько вкусного, да ещё и алкогольного!

Я кивнула одобрительно, и официант с вежливой улыбкой зашагал сексуальной походкой обслуживать других гостей.

«Жизнь удалась!» – подумала я, подставляя лицо ласковому солнцу и ощущая приятное покалывание на коже после купания в кристально прозрачном море.

– Лина! – услышала я радостный мелодичный голос позади себя.

Там стояла Жасмин, размахивая рукой, чтобы привлечь моё внимание. Её великолепные золотые волосы развевал бриз, а бикини цвета морской волны сидело на ней словно на богине. На неё сразу обернулись все мужчины. Существует же на свете такая идеальная красота! Пожалуй, я всё-таки немножко ей завидовала.

Я тоже взмахнула рукой, показывая, что вижу её. Жасмин плавной походкой подошла ко мне.

– Развлекаешься? – спросила она, расплывшись в улыбке и косясь на коктейль в моей руке.

– О да! – подтвердила я, салютуя своим полупустым бокалом. – Я самый счастливый человек на свете!

Она одарила меня милым светящимся взглядом, от которого, наверное, любой мужчина растаял бы на месте. Осторожно и с лёгкой неуверенностью Жасмин расстелила своё полотенце рядом с моим.

– Разве тебе не нужно быть с Лоуреном на совещании? – спросила я напрямую, ведь она была его правой рукой.

– Нет. Он велел приглядывать за тобой. И если честно, я рада такому неожиданному повороту. Проводить с тобой время очень весело и в миллион раз лучше, чем весь день сидеть в душном конференц-зале в компании снобов и слушать их планы по завоеванию международных рынков, – Жасмин заговорщически подмигнула мне, словно выдавая секрет, о котором я не должна знать.

Я заулыбалась понимающе.

– Могу представить! Я твоей компании тоже очень рада! Хочешь коктейль?

– С удовольствием! – ответила она, и мы вместе пошли к бару.

Когда я пропустила ещё стаканчик, моё настроение улучшилось вдвое. Теперь я на все сто процентов была уверена, что попала в рай.

В этот день мы с Жасмин много болтали обо всём на свете и без стеснения звонко смеялись над разными смешными историями, что рассказывали друг другу. Мы купались и за-

горали. Одним словом, отрывались на полную катушку.

Жасмин, как и моей сестре, было двадцать восемь, но со мной она вела себя абсолютно на равных. Мы с лёгкостью нашли общий язык, несмотря на разницу в возрасте.

– А ты очень необычная девушка, – заметила Жасмин, когда мы на закате приканчивали очередной коктейль.

Я хохотнула и потыкала зонтиком в своём бокале со льдом.

– Это тебе так кажется. Просто ты всегда находишься в обществе одних богатеев, а я что ни на есть самый обыкновенный человек.

– На песке лежать и правда лучше, – призналась она неожиданно, посмотрев в сторону наших полотенец. – Не думала, что это так здорово!

Я подняла бровь. Наверное, я бы засмеялась, если бы мне кто-то из друзей сказал, что никогда не лежал на пляже на песке, но тут был совсем другой случай. Жасмин является частью гламурного мира. Она давно принадлежит к совсем другому слою общества. Даже когда Жасмин ещё не работала на Лоурена, она уже находилась в центре внимания. У неё всегда были известные ухажёры, которые оплачивали все её прихоти, и Жасмин этого не скрывала. Проблем с деньгами она никогда не знала.

Мне нравилось, что она не пыталась строить из себя целомудренную недотрогу и говорила всё как есть. Было бы странно, если бы такая великолепная девушка, как Жасмин,

не пользовалась своей внешностью, чтобы завести полезные знакомства. Но по её взгляду я поняла, что были моменты в её жизни, которыми она не гордилась. Жасмин не рассказывала подробностей, но чётко дала мне понять, что Лоурен сильно изменил её саму и её жизнь.

Вглядываясь в заходящее солнце, немного помолчав, она вдруг спросила:

– А вы с господином Гроссмайером... вы, как бы это сказать... в близких отношениях?

Я покраснела до кончиков ушей и замахала руками перед её лицом, сразу догадавшись, к чему она клонит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.